

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Гуманитарно-педагогический институт

(наименование института полностью)

Кафедра «История и философия»

(наименование)

46.03.01 История

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Историко-культурный туризм

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Подвиги Георгиевских кавалеров Ставропольского уезда Самарской губернии в годы Первой мировой войны 1914-1917 гг.»

Обучающийся

М.А. Бертош

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

д-р. ист. наук, доц. В.А. Гуров

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2023

Аннотация

Темой данной работы является «Подвиги Георгиевских кавалеров Ставропольского уезда Самарской губернии в годы Первой мировой войны 1914-1917 гг.»

Актуальность данной темы обусловлена потребностью распространения информации в современном обществе о подвигах героев дореволюционной России, в особенности в годы Первой мировой войны. Особенно это актуально поскольку современное мировое сообщество намеренно искажает, фальсифицирует или умалчивает исторические факты, а в случае с дореволюционными событиями это осложняется еще и фактом того, что в советское время большая часть информации по истории Российской империи XIX и особенно начала XX вв. утаивалась или освещалась лишь выборочно, показывая в основном отрицательные стороны происходивших событий, не давая полной объективной картины происходящего.

Целью данной работы является изучение истории развития нагрудных знаков отличия ордена «Георгиевский крест», социальное положение кавалеров «креста» в России в XIX – начале XX вв., а также боевой путь ставропольчан в годы Первой мировой войны.

Исследовательские задачи:

- Рассмотреть изменения, которые претерпевал Георгиевский крест в период XIX – начала XX вв.
- Охарактеризовать особое положение кавалеров Знака отличия и чем это было обусловлено.
- Охарактеризовать положение дел сложившиеся в Ставропольском уезде во время Первой мировой войны.
- Изучить подвиги ставропольчан-кавалеров Георгиевского креста в годы Первой мировой войны.

В первой главе рассмотрена история становления награды Георгиевский крест, его эволюция в период XIX – начала XX вв., а также особенности

социального положения кавалеров Георгиевского креста и то, как эти особенности изменялись с течением времени.

Во второй главе рассмотрено положение Ставропольского уезда во время Первой мировой войны, и исследованы подвиги кавалеров Георгиевского креста среди уроженцев Ставропольского уезда Самарской губернии.

В заключении представлены выводы по итогам проведенного исследования.

Структурно научно-исследовательская работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка используемой литературы. Объем пояснительной записки составляет 63 страницы с приложениями.

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1. История возникновения и изменения награды Знак отличия военного ордена святого Великомученика и Победоносца Георгия в XIX – начале XX вв.....	10
1.1 Условия появления и изменение ордена святого Георгия и зависящего от него Знака отличия военного ордена святого Великомученика и Победоносца Георгия в конце XVIII – XIX вв.....	10
1.2 Изменения Георгиевского креста как самой массовой награды Российской империи в начале XX в. во время Русской-Японской и Первой мировой войн.....	26
Глава 2. Доблесть и отвага ставропольчан – кавалеров Георгиевского креста Великой «Забытой» войны	37
2.1 Ставропольский уезд Самарской губернии в годы Первой мировой войны 1914-1917 гг.....	37
2.2 Героические подвиги награжденных знаком отличия военного ордена – «Георгиевский крест» в Первой Мировой войне.....	43
Заключение.....	51
Список используемой литературы и используемых источников.....	55
Приложение А Список используемых источников.....	62

Введение

Актуальность данной темы обусловлена потребностью распространения информации в современном обществе о подвигах героев дореволюционной России, в особенности в годы Первой мировой войны. Так же актуальность обусловлена тем, что современное мировое сообщество намеренно искажает, фальсифицирует или умалчивает исторические факты, а в случае с дореволюционными событиями это осложняется еще и тем, что в советское время большая часть информации по истории Российской империи XIX и особенно начала XX вв. утаивалась или освещалась лишь выборочно, показывая в основном отрицательные стороны происходивших событий, не давая полной объективной картины происходящего. Наиболее сильно это коснулось военной истории, и единственная возможность распространения славного военного прошлого России – это изучение подвигов прошлого, о которых можно узнать через награды, которых они были удостоены.

Георгиевский крест долгое время оставался единственной наградой доступной для низших военных чинов, в следствии чего рассматривая награждения данным орденом в полной мере можно изучить героизм русской императорской армии с позиции простых солдат и унтер-офицеров.

Длительное время об этой награде ничего не было известно и лишь в последние десятилетия различные исследователи начали активно изучать данную проблему, что позволило по-новому взглянуть на историю военных событий, происходивших более 100 лет назад.

Данная работа призвана осветить развитие Знака отличия ордена святого Великомученика и Победоносца Георгия (он же Георгиевский крест), охарактеризовать положение кавалеров ордена в обществе, а также на примере их героических подвигов, в особенности ставропольчан-участников Первой мировой войны, способствовать развитию патриотизма в обществе.

Также актуальность обуславливается вводом в научный оборот новых, ранее не опубликованных, исторических источников.

Объектом являются подвиги кавалеров Георгиевского креста в период XIX – начала XX вв.

Предметом выступают подвиги кавалеров Георгиевского креста Ставропольского уезда Самарской губернии.

Историография данного вопроса представлена различными работами по своей научной значимости, в которых затрагиваются различные аспекты заявленной темы. Работы историков представлены в двух периодах: советский и постсоветский (современный).

Литература советского периода представлена в виде общих сведений о рассматриваемых военных конфликтах, поскольку в советское время основная проблема работы, как правило, не рассматривалась и затрагивалась лишь косвенно. Среди этой литературы можно выделить работу П.А. Жилина «Отечественная война 1812 года» [19] в которой приведены описания основных событий войны с Наполеоном и рассмотрены все основные события этой войны. Так же следует отметить труды Е.А. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию» [76] и «Крымская война» [75], несмотря на то что ученый описывает события через призму советской идеологии, что особенно видно в первой работе, труды основаны на очень обширной документальной базе, что позволяет использовать их как необходимую литературу для общего описания происходящих во время этих военных конфликтов событий. Последней особенно важной работой советского периода является Мирная война 1914-1918 гг. А.Н. Зайончковского [22]. Его исследования можно считать наиболее достоверными поскольку автор был непосредственным участником описываемых событий. В труде характеризуется вся кампания 1914-1918 годов с глубоким анализом происходивших событий и подведением общих выводов касательно итогов конфликта.

Работы постсоветского периода характерны новыми исследованиями по теме Георгиевских наград. Поскольку в советское время данный вопрос не исследовался вся литература по этой проблеме выходила именно в период после распада СССР начиная с 90-х годов XX века. Представлена она в

основном трудами исследователей, изучающих непосредственно Георгиевские награды. Основным трудом является «Русские награды XVIII-начала XX века» В.А. Дурова [17], в этом исследовании представлена информация о русских наградах освещаемого периода, особое внимание так же уделяется непосредственно Ордену святого Георгия, Георгиевскому кресту и Георгиевским медалям, и оружию, работа охватывает весь путь становления и развития награды со всеми нюансами, что делает данную работу необходимой при изучении данной темы. Дополняет его другой труд автора «Георгиевский крест в годы Первой мировой войны» [16], данная работа представляет из себя статью, которая целиком посвящена трансформации Георгиевского креста уже непосредственно в годы Первой мировой войны.

Не менее важной является исследование С.Б. Патрикеева «Сводные списки кавалеров Георгиевского креста» [33], в которых представлены наиболее полные списки кавалеров Георгиевского креста в период Первой мировой и Гражданской войн. Ценность списков объясняется обширным перечнем представителей георгиевских кавалеров вместе с номерами полученных ими наград, благодаря чему представляется возможным найти необходимые сведения о представленных героях.

Так же следует отметить труд А.А. Кузнецова «Наградная медаль» [27]. Работа представляет из себя описания развития всех наград Российской империи и Советского союза, подразделенных на военные конфликты, в изучаемом вопросе наиболее интересен первый том, поскольку там содержатся описания всех известных наград в период всей Российской империи, начиная с наградных реформ Петра Великого и заканчивая 1917 годом.

Рассмотренные нами работы двух периодов отражают развитие исследований, которые затрагивают тему формирования нагрудных знаков Георгиевский крест в Российской империи, а также описывает Ставропольский уезд в годы Первой мировой войны, в них рассмотрены как социально-экономическая жизнь города, так и историю призванных на войну

ставропольчан. Постсоветская историография представлена шире, поскольку в советское время данная тема если и затрагивалась, то лишь косвенно. Современным работам стали доступны ранее засекреченные документы, а также была ликвидирована идеологическая направленность. Благодаря использованным нами трудам представляется возможным проследить полный путь развития Знака отличия военного ордена святого Великомученика и Победоносца Георгия в представленный исторический период.

Целью данной работы является изучение истории развития нагрудных знаков отличия ордена «Георгиевский крест», социальное положение кавалеров «креста» в России в XIX – начале XX вв., а также боевой путь ставропольчан в годы Первой мировой войны.

Исследовательские задачи:

- Рассмотреть изменения, которые претерпевал Георгиевский крест в период XIX – начала XX вв.
- Охарактеризовать особое положение кавалеров Знака отличия и чем это было обусловлено.
- Проанализировать положение дел сложившиеся в Ставропольском уезде во время Первой мировой войны.
- Изучить подвиги ставропольчан-кавалеров Георгиевского креста в годы Первой мировой войны.

Источниковая база работы представлена несколькими группами источников: 1) законодательные акты; 2) источники личного происхождения; 3) периодическая печать.

Основными источниками являются опубликованные архивные законодательные акты Президентской библиотеки им Б.Н. Ельцина, представленные статутами Военного ордена святого Георгия и зависящих от него наград (Георгиевский крест, Георгиевская медаль, Георгиевское оружие) разных лет издания, наиболее важными являются Статут Императорского Военного ордена святого великомученика и Победоносца Георгия, принадлежащего к сему ордену Георгиевского Креста и причисляемых к тому

же ордену Георгиевского оружия и Георгиевской медали 1915 года [70] и Статут Военного Ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия, учрежденного Императрицею Екатериною II 26 Ноября 1769 года [71]. Для рассмотрения подвигов героев ставропольчан были использованы опубликованные архивные данные Российского Государственного Военно-исторического Архива, которые представлены картотеками потерь, наградными списками, карточками пленных в период Первой мировой войны 1914-1917 гг.

Источники личного происхождения представлены воспоминаниями участников описанных военных кампаний, среди них можно выделить «Мои воспоминания» А. А. Брусилова [6] и «От Дуная и до Царьграда» В.В. Воейкова [11], оба источника носят характер мемуаров и содержат в себе описания событий, относящихся к теме исследования.

Периодическая печать представлена в основном местными газетами, а именно выпусками газеты Волжское слово [13] содержит информацию о положению дел в Ставрополе во время Первой мировой войны, так же представлена газета Сельский Вестник [67], в котором описан случай ошибки с выдачей Георгиевских крестов ветерану Русско-Японской войны.

Наиболее важным источником является работа Д.В. Борисова «Ставрополь-Самарский и Ставропольский уезд в Первую мировую войну (1914-1918 гг.)» [4] поскольку в данной работе представлен перечень документов, которые, в том числе, посвящены и георгиевским кавалерам, а также здесь содержится наиболее полный список всех кавалеров Георгиевского креста и Георгиевских медалей, которые затрагивают рассматриваемый период.

Указанные источники позволяют в полной мере отследить развитие и изменение Георгиевского креста, а также отношение армии и народа к этой награде, наглядно проследить боевой путь кавалеров-ставропольчан.

Структура работы состоит из введения, двух глав, четырёх параграфов, заключения, списка использованной литературы и используемых источников.

Глава 1. История возникновения и изменения награды Знак отличия военного ордена святого Великомученика и Победоносца Георгия в XIX – начале XX вв.

1.1 Условия появления ордена святого Георгия и зависящего от него Знака отличия военного ордена святого Великомученика и Победоносца Георгия в конце XVIII – XIX вв.

Императорский Военный орден святого великомученика и Победоносца Георгия (Орден святого Георгия) был официально учрежден 26 ноября 1769 г. императрицей Екатериной II. Учредив данный орден, который вручался исключительно за военные заслуги и являлся одной из самых престижных наград, она завершила дело Петра Великого, который в свою очередь, создал новую наградную систему молодой Российской Империи, но не успел ввести высшую награду, коей и стал в последствии Георгиевский крест. А сами офицеры, что носили за собой почетнейшее звание кавалера Георгиевского креста, были почитаемыми и уважаемыми людьми, коих народ ценил и выказывал всяческую признательность. Перед кавалерами ордена были открыты многие двери.

В первом его статуте, подписанном лично императрицей 23 ноября, говорилось следующее: «Ни высокая порода, ни полученные пред неприятелем раны не дают быть пожалованным сим орденом, но дается оный тем, кои не только должность свою исправляли во всем по присяге, чести и долгу своему, но сверх того отличили еще себя особливим каким мужественным поступком, или подали мудрые и для Нашей воинской службы полезные советы» [71]. Помимо этого, в данном статуте содержалась следующая информация: «из особливой Императорской милости к служащим в войсках в отличие и награждение их за оказанную во многих случаях ревность и службу, а равно для поощрения их в военном искусстве». Это подтверждает тот факт, что орден святого Георгия можно было получить

исключительно за заслуги в ратном деле, а не по праву рождения, как это было с большинством иных наград в Российской империи (например, орден святой Екатерины, который вручался женщинам за заслуги перед Отечеством, а великим княгиням по праву рождения).

Изучая екатерининские статуты можно сказать, что она крайне серьезно отнеслась к новой награде. Это видно по тому, насколько ответственно подошла она к правам и обязанностям награжденных, например: «Орденский Крест дозволяется Кавалерам в гербах и печатях», «Так же всемилостивейше постановляем, чтоб по смерти каждого женатого кавалера получающего пенсию, еще один год вдова умершего пользовалась его пенсией» [71]. Но не менее важным является и тот факт, что в тех же статутах содержится статья о том, как следует поступать с нарушителями закона, которые ранее были награждены столь высокой наградой. Чтобы такие люди не позорили орден Святого Георгия Екатерина II представляет 17 статью, которая гласит: «... такого по донесению Нам, и на предварительном Военном суде по ясному изоблачению, из Ордена исключаем и знаки Ордена от него отобрать повелеваем». Так же описывалась и значимость ордена, где особое внимание уделялось тому, что именно за военные заслуги оный был получен: «Сей орден никогда не снимать, ибо заслугами оный приобретается». Запрещалось и изменять внешний вид крестов, а именно «Орденские знаки украшать камнем». Все это говорит нам о том, что императрица считала Орден Святого Георгия куда большим, чем очередной военной наградой, ведь он должен был стать прямым отражением доблести и героизма русских офицеров, а позднее и всех военных российской императорской армии.

Изначально как таковых точных условий для получения ордена описано не было, давались лишь наставления «примеры» для коллегий, который должны были эти награды присуждать, к таким примерам относились: «... ободрив своим примером подчиненных своих и предводительствуя ими, возьмет наконец корабль, батарею или другое какое занятое неприятелем место». Позднее были разработаны конкретные условия, при которых

выдавалась эта награда. Орден мог получить, например, тот, кто «лично, предводительствуя войском, одержит над неприятелем, в значительных силах состоящим, полную победу, последствием которой будет совершенное его уничтожение», или, «лично предводительствуя войском, возьмет крепость» [71]. Эту награду так же можно было получить за взятие в плен вражеского главнокомандующего или захват знамени полка противника.

Орден св. Великомученика и Победоносца Георгия имел четыре степени, важность награды считалась от большей степени к меньшей. Так человек, совершивший подходящий подвиг, изначально получал орден 4 степени и только после совершения повторного подвига получал 3-ю, и так далее вплоть до 1 степени, самой высшей. Главная часть ордена представляла собой золотой крест с расширяющимися от центра лучами, эти лучи покрывались эмалью белого цвета (позднее учрежденные солдатские кресты этой эмали уже не имели, а из золота состояли только вторая и первая степени). В центральном круглом медальоне, в месте где сходились лучи креста ордена, на розовом фоне помещалось изображение св. Георгия на коне, поражающего копьём змия (позднее, в 1830-х годах, цвет фона был изменен с розового на красный).

Некоторыми это изображение неверно трактуется как борьба с драконом, но дракон в геральдике олицетворяет добро. Причину ошибки следует искать в том, что и дракон, и змий изображаются в геральдике крылатыми, но дракон – с двумя лапами, а змий – с четырьмя. Последняя тонкость, оставаясь незамеченной, и приводит к ошибочному трактованию изображения змия как дракона.

Третья и четвертая степени ордена были крайне похожи, они представляли из себя именно описанный выше крест, с одной лишь разницей: наградной крест четвертой степени носили в петлице на георгиевской ленточке с левой стороны под сердцем, а крест третьей степени на шее на георгиевской ленте.

Вторая степень отличалась от предшествующих ей наличием нескольких элементов награды. Орден Святого Георгия второй степени походил на

предыдущие, но сам крест, носимый на шее, был больше по размеру, нежели крест третьей степени, а на груди помещалась четырехугольная золотая звезда с девизом «За службу и храбрость».

Наконец, высшая, 1-я степень ордена представляла собой тот же большой крест, носившийся уже на широкой ленте «георгиевских» цветов через правое плечо, и звезду на груди.

Георгиевская лента, на которой различными способами носились все виды наград Ордена Святого Георгия, всегда представляла из себя три черных и две оранжевых полосы. Такой вариант наградной ленты стал в итоге очень распространенным в России, и помимо многих имперских на такой ленте помещались и множество советских медалей и орденов [17].

Однако, несмотря на великолепный, сдержанный, но при этом очень внушительный, внешний вид, а также исключительных условий для получения столь высокой награды, после смерти Екатерины II её сын Павел I перестает награждать кого-либо этой высокой наградой. Следующее «рождение» этого знаменитого во всем мире Ордена будет уже при сыне Павла, Александре I, правление которого выпало на столь непростую Отечественную войну с Наполеоном, в условиях которой просто невозможно было обойтись без награды, которую военнослужащий мог получить исключительно за свои боевые заслуги и которая в итоге стала показателем храбрости и чести как простых офицеров, так и высших генеральских и фельдмаршальских чинов.

Всего за подвиги в отечественной войне 1812 г. 1-ю степень ордена Георгия получили 3 человека (включая главнокомандующего русскими войсками Михаила Кутузова, который, к слову, стал первым полным кавалером этой награды и имел все четыре степени), 2-ю – 24, 3-ю – 123 и 4-ю – 491 человек.

Однако немало героев было и среди солдат и нижних офицерских чинов, их заслуги тоже должны были вознаграждаться. Но Орден Святого Георгия для этого не подходил, поскольку он являлся наградой исключительно дворянской, которая подтверждала этот высокий статус и давала ее владельцу особые

привилегии. Низшие чины и простых бойцов к столь значимому ордену представить попросту было нельзя.

Император Российской империи Александр I, который так же, как и его бабушка Екатерина Великая, крайне серьезно относился к Ордену Святого Георгия (он отказался принять орден первой степени за свое высокое положение, а после сражения у Аустерлица присвоил себе за личную храбрость лишь четвертую степень, коей очень дорожил до конца жизни [27]) прекрасно понимал всю ситуацию. И поэтому, когда в 1807 году ему предложили ввести аналог Ордена Святого Георгия для нижних чинов, он с охотой поддержал эту идею и 13 февраля 1807 г. высочайшим манифестом учредил «знак отличия Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия», который с 1913 года стал называться «Георгиевский крест» [69].

Как уже описывалось выше, Георгиевские кресты не содержали эмали и целиком состояли из металла, но с изображением в центральном медальоне на лицевой стороне святого Георгия на коне, а на оборотной стороне – инициалов святого, «С. Г.», в этом плане они были похожи со «старшим братом» – офицерским крестом. Носилась эта награда на узкой оранжево-черной ленточке, как и орден Георгия. В правилах о награждении Знаком Отличия говорилось: «Им награждаются только те из нижних воинских чинов, которые, служа в сухопутных и морских русских войсках, действительно выкажут свою отменную храбрость в борьбе с неприятелем» [31]. Как и в случае с Орденом Святого Георгия, Георгиевский крест был обязателен к ношению, но, если награжденный Георгиевским крестом имел офицерский орден, то надевать следовало только офицерский Орден Святого Георгия.

Изначально Георгиевский крест не имел степеней, поэтому его могли присуждать неоднократно количество раз одному солдату, при этом еще один крест военнослужащий не получал, а получал лишь прибавку к жалованию, вплоть до увеличения оно до двойного размера. На солдатском Георгиевском кресте гравировался номер, под которым получивший награду вносился в так

называемый «вечный список Георгиевских кавалеров».

Первый случай вручения новой награды произошел 2 июня 1807 года, получил ее унтер-офицер Кавалергардского полка Митрохин Егор Иванович за бой при Фридланде, где Митрохин проявил храбрость. В общей сложности к началу 1812 году была выдана 12 871 награда с соответствующими номерами от единицы до 12 871 [27].

Следует отметить, что в это время Георгиевский крест был единственной военной наградой, которую мог получить представитель нижних чинов. Всего же за период Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813-1814 годов было вручено около 28 700 Георгиевских крестов, из которых 2376 было присвоено солдатам и офицерам союзных для Российской Империи стран [36]. Большую часть из этих наград (1921 крест) получили военнослужащие из Пруссии. Всего же, за все время царствования Александра I начиная с момента учреждения награды в 1807 и до самой смерти императора, было вручено 46 527 почетных знаков Георгиевского креста.

Это можно считать полным успехом императора, ведь он ввел одну из самых необходимых наград. Если орден Святого Великомученика Георгия Екатерины II занял высокое положение наивысшей военной награды Российской империи, которую офицеры могли получить только за боевые заслуги, то Георгиевский крест Александра I занял чрезвычайно важную нишу единственной и в то же время важнейшей награды для представителей нижних чинов, которая просуществовала вплоть до Октябрьской революции 1917 года.

Уже при правлении брата Александра I – Николая I Знак отличия принимает разного рода изменения, которые привели его к привычному виду, в котором он существует и по сей день. Первое изменение, которое произошло со Знаком при Николае Павловиче, было принято в статуте 1833 года и гласило: «Нижним чинам, которые удостоятся получить полный оклад прибавочного жалованья, в ознаменование отличной храбрости, не однократно ими оказанной, предоставляем Мы право носить знак отличия Военного Ордена с бантом из Георгиевской же ленты» [31]. То есть, теперь люди, получившие

«полный» Георгиевский крест могли на законных основаниях выделять себя из общего числа воинов, получивших знак отличия. Это послужило началом для куда более серьезных изменений.

Второй особо крупной компанией с момента учреждения Креста, уже при правлении Николая I, стала Крымская война 1853-1856 годов. За время этой войны было выдано 24 150 Георгиевских крестов [27], что более чем на 4 000 меньше чем за период Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813-1814 годов, что говорит о меньшем количестве столь крупных сражений во время Крымской войне по сравнению с предыдущими.

Во время этой компании вручались последние Кресты старого образца, с одной степенью, ведь через год после окончания войны в статуте от 1857 года в положении 412 было обозначено что: «Орден Св. Георгия имеет четыре степени» [70]. Теперь Знак отличия Военного ордена Святого Великомученика Георгия принял куда более привычный вид, подобный ордену Святого Георгия, который так же имел четыре степени. Причем присуждались они по такому же принципу – чем меньше степень, тем значительнее награда. Но в отличие от ордена Святого Георгия, где кресты отличались разве что размером, Георгиевские кресты отличались еще и материалом изготовления: четвертая и третья степени делались из серебра, причем третью степень предполагалось носить с бантом из георгиевской орденской черно-оранжевой ленты, как это ранее было принято при «полном» получении бесстепенного креста. В свою очередь, Георгиевские кресты второй и первой степеней делались уже из золота, крест первой степени был подобен третьей и так же носился с бантом из орденской ленты. Теперь на оборотной стороне помимо номера выгравировывалась и степень Георгиевского креста арабскими цифрами (от 4 до 1) [70].

Это говорит нам о том, что помимо увеличения жалования герои, которые неоднократно получали данную награду, теперь могли реально увидеть признание своих подвигов. Помимо простой прибавки к жалованию солдаты теперь имели у себя особенно ценные награды (особенно если речь

идет о золотых Крестах), помимо этого теперь люди знали, насколько доблестный человек находился перед ними, ведь каждая степень креста была отличима, не столь сильно, конечно, как это было в случае с орденом Святого Георгия, но практически любой человек без проблем мог отличить степени этой награды.

Помимо общественного признания Георгиевский крест давал своим хозяевам и определенные льготы, как например: «При производстве в офицеры подпрапорщиков, юнкеров и унтер-офицеров, тем из них, кои имеют знаки отличия военного ордена, дается преимущество пред неимеющими сих знаков» [70], с 19 марта 1856 военнослужащие, удостоенные высшей степени награды, получают к уже имеющейся годовой прибавки к жалованию еще полугодовую. И, наверное, самое важное обстоятельство, что с 1846 года «все имеющие знаки отличия военного ордена нижние чины от телесного наказания освобождаются, а унтер-офицеры, имеющие сии знаки, сверх того без суда ни в каком случае не могут быть разжалованы в рядовые» [70]. Это, опять же, свидетельствует о том, что награжденные Знаком отличия солдаты и унтер-офицеры получали вполне реальные льготы и привилегии по сравнению с остальными военнослужащими, от этого Георгиевский крест стал крайне желанной наградой среди личного состава, коему оный вручался.

Знаменитый матрос Петр Кошка трижды удостоивался Знака Отличия Военного ордена. Первый раз он получил бесстепенной крест № 99734, затем за новый подвиг – прибавку трети жалованья, за третье отличие – новую прибавку трети жалованья. Когда же Знак Отличия был подразделен на степени и Кошка стал считаться кавалером трех степеней, ему выдали дополнительно лишь высший из них знак 2-й степени, имевший № 431 [17].

Есть свидетельства, что знаменитый русский флотоводец Нахимов, во время обороны Севастополя ходил с «карманами полными крестов», поскольку адмирал спешил как можно скорее, и по возможности на месте, награждать тех героев и смельчаков что удостоивались этих самых «крестов» [17]. Ведь из-за большого количества потерь очень реальным был шанс

попросту не успеть наградить героя, ведь его в любую минуту могут убить на передовой. И Павел Степанович не зря так спешил, ведь в случае смерти бойца со Знаком отличия его вдова получала бы пенсию за него еще в течение года, тем самым он бы не только дал знать родным, что их близкий человек умер героем, но и помог бы финансово. Однако война менялась, становилась куда более стремительной и людские потери лишь росли, сам Нахимов в итоге погиб на передовой от случайной пули.

Несмотря на то что руководители обороны Севастополя строго следили за тем, чтобы подвиги их подчиненных справедливо вознаграждались, иногда просто не хватало самих наград. Поэтому в Морской лаборатории и еще двух местах иждивением купечества было налажено производство своих, кустарных Знаков Отличия. На них не ставились номера, они были сделаны значительно хуже, чем продукция Монетного двора, но сейчас эти памятники героической обороны Черноморской твердыни, представлявшие исключительную редкость, бесценны для нас.

В собрании московского коллекционера Р. Д. Бужбецкого имеется один крест кустарной работы. Его получил за защиту Севастополя Ипполит Августинovich Бениславский. Еще в 1854 г. за отличие при осаде турецкой крепости Силистрия на Дунае он был награжден Знаком Отличия Военного ордена № 965779. Позднее, уже в осажденном Севастополе, за новые подвиги он получил еще один крест, без номера, сделанный местными умельцами, меньшего размера, не совсем правильной формы. Эта награда уникальна – подобных ей нет даже в севастопольских музеях [27].

Имеются свидетельства, что за неимением солдатских крестов раздавались Георгиевские ленточки. Так, лейтенант Н. Д. Карягин, командир Селенгинского редута, пишет, что за четыре месяца его командования укреплением на редут присылались исключительно ленточки. Один из его подчиненных матрос Василий Востряков за то, что выбросил из порохового погреба попавшую туда вражескую бомбу, был представлен к награждению крестом, но по уже названной причине с разрешения командира носил лишь

ленточку. Вскоре В. Востряков попал в плен, и лишь по возвращении на родину получил причитающийся ему крест за № 953, уже с обозначением на нем 4-й степени [27].

Итогом правления Николая I в отношении Знака отличия Георгиевского креста можно считать новое его рождение. Теперь награда для низших армейский чинов во многом была похожа на офицерский аналог – орден Святого Георгия, теперь эта награда становилась крайне важной для простых людей, коих было большинство в России того времени, а награжденных Георгиевским крестом уважали куда сильнее, чем прежде. Можно сказать, что при Николае I Георгиевский крест достиг своего расцвета.

Принципы награждения Знаком отличия были прописаны в том же статуте, где описывались условия для награждения орденом Святого Георгия. В статуте Георгиевскому кресту выделялось особое место, например: в статуте 1857 года Ордену были посвящены первые три отделения, а уже Георгиевскому кресту было посвящено последнее, четвертое, отделение. Условия во многом совпадали, с той лишь разницей, что отсутствовали варианты награждения за крайне умелое управление подчиненными, но оно и понятно, поскольку Георгиевским крестом награждались исключительно низшие чины армии, кои в личном подчинении либо не имели людей вообще, как простые солдаты, или имели их крайне небольшое количество, как унтер-офицеры.

Основной «статьей» оставались подвиги личного характера, когда боец какого-либо рода войск, проявив храбрость, стойкость и мужество, поспособствовал достижению успеха в общей операции, среди таких можно назвать: «кто, при взятии корабля, батареи, ретраншаменты или иного занятого неприятелем укрепленного места, примером отличной храбрости и неустрашимости ободрит своих товарищей», «кто в сражении спасет жизнь своего офицера, отразив удар, ему угрожавший, или кто освободит его из рук неприятельских», появилась даже отдельный вариант условия вознаграждения для раненных в бою солдат – «Кто, будучи ранен, возвратится, по перевязке,

к своей команде на место сражения с полным своим вооружением и амунициею, и останется в деле до окончания оною» [38].

Причем приведенные примеры применительны к сухопутным войскам и флоту лишь в общем виде. Каждому роду войск были так же даны отдельные рекомендации и варианты подвигов, их получили – сухопутные войска, артиллерия, военные инженеры.

Стоит обратить внимание на то, что, как и в случае с орденом Святого Георгия, все эти варианты подвигов носят именно рекомендательный характер. В самом документе от 1857 года написано: «... дабы постановить некоторые правила, по коим отменные действия от обыкновенных удобнее были бы отличаемы ...», то есть каких-то строгих критериев разработано не было, были лишь обозначены главные условия.

Отличным от всех было условие соблюдения дисциплины и полное подчинение приказам вышестоящих начальников и командиров, можно с полной уверенностью сказать, что это было единственное четко поставленное условие, без которого боец не мог получить Георгиевский крест. Это в первую очередь обусловлено тем, что человек недисциплинированный в первую очередь опозорил бы награду своим отношением к службе, что сразу нивелировало бы его успехи и по тем же статутам Георгия у него должны были бы отобрать.

Знак отличия выдавался, как правило, либо лично отличившемуся военнослужащему, либо, если, например, в ходе обороны или наступления особую доблесть и храбрость проявили целые подразделения, то награждались уже подразделения определенным количеством наград. Нередки были и случаи, когда на подразделение просто выдавалось определенное количество Георгиевских крестов и уже начальниками подразделения они распределялись среди самых достойных претендентов. В таком случае на роту или эскадрон назначалось от 2 до 5 Знаков Отличия, на батарею – от 4 до 10, на корабль во флоте – от 2 до 60, в зависимости от размера корабля.

К сожалению, через несколько лет значение Знака для офицеров

оказалось минимальным, они и без того без особого почета относились к этой награде, но пика невежественное отношение достигло при Русско-Турецкой войне 1877-1878 годов. Отдельно стоит сказать, что многие солдаты и сами не видели никакого смысла в том, чтобы совершать какие-либо подвиги, поскольку считали эту войну «чужой».

Как писал один из величайших полководцев российской армии – Алексей Алексеевич Брусилов (который в годы войны 1877-1878 годов занимал пост полкового адъютанта Тверского драгунского полка в чине поручика) в своих мемуарах «Мои воспоминания»: 2-3 сентября 1877 года они получили приказ о продвижении через Тифлис в Александропольский лагерь и «трудно описать восторг, охвативший весь полк по получении этого известия» [6], стоит понимать, что радовались не скорому началу войны, а простой перемене в обычной казарменной жизни, неожиданную встряску и ожидание возможных боестолкновений, об этом же пишет и Брусилов: «радовались неожиданному перерыву в однообразных ежедневных занятиях по расписанию; радовались, наконец, предстоящему, хотя бы и мирному, походу, который заменит собою скучную до приторности штаб-квартирную казарменную жизнь». Реальная же картина была куда хуже: «никто не задавался вопросом, зачем нужна война, за что будем драться и т. д., считая, что дело цареву - решать, а наше - лишь исполнять» [6], бойцам было совершенно все равно, какие цели преследовал Александр II. Если предыдущие Отечественная война, Заграничные походы, Крымская война были действительным напряжением большей части сил страны, то эта, новая война, была важна лишь для командующего состава, как это будет и в последующих войнах.

Крайне примечательное описание того, как командование относилось к вручению Знаков отличия содержится в мемуарах бойца Воейкова Василия Васильевича, который во время войны служил в Кавказской казачьей сотне: «...было прислано на сотню по четыре креста. Сотенные командиры собрали сотни и объявили им, чтобы они сами выбрали достойных. По голосам

выбрали достойных больше, чем крестов. Тогда выбранных поставили в ряд, а сотня пошла справа по одному сзади их, и каждый бросил свою папаху тому, которого находил достойным. Это была, так сказать, закрытая баллотировка. Потом сочли у каждого папаху, и у кого оказалось больше, тем и выдали кресты. Казаки качали счастливых товарищей и долго не могли угомониться» [11].

Всего за всю кампанию 1877-1878 гг. Было вручено около 46 тысяч Георгиевских крестов разных степеней (В кампаниях 1812-1815 гг. было вручено около 28,7 тысяч Георгиев, а в Крымскую войну 24 тысячи). Не смотря на это, на фронте награждения происходили за исключительно выдающиеся подвиги. Например, лейб-гвардии Волынский полк, который по праву считается самым боевым и вместе с тем известным воинским формированием той войны, заслужил в общей сложности 343 Знака отличия (из них: 7 – второй степени, 23 – третьей и 313 – четвертой). Историк Валерий Дуров, который активно исследовал весь путь награды, так описал награждения лейб-гвардейского Волынского полка: «всего шесть раз присылались награды в полк: первый раз – 17 крестов за бой 12 октября 1877 г. в районе небольшой горки, получившей название «Волынская»; в том же октябре – еще 9 крестов за новые отличия в этом районе; в связи с падением Плевны 28 ноября на полк было назначено еще 48 крестов. Самое большое число наград (212) было выдано за сражение 19 декабря при занятии так называемых Ташкисентских высот – самое славное дело полка в турецкую войну, а также за взятие Филиппополя 3 января и бой при Карадаге 5 января. За взятие деревни Мечка 25 декабря среди нижних чинов волынцев было распределено 24 креста – все пока лишь 4-й степени. Позднее были присланы дополнительные награды за переход через Балканы и «дела» 19, 25 декабря 1877 г. и 3, 5 января 1878 г. – всего 25 новых крестов, но среди них уже 20 наград 3-й степени и 5 – 2-й для солдат, заслуживших крест во второй и третий раз. Были еще небольшие добавления к общему числу Георгиевских крестов, но 1-ю степень так никто и не получил» [17].

Как уже было сказано выше, всего за всю кампанию 1877-1878 годов было вручено около 46 000 Знаков Отличия Военного ордена. Но, несмотря на возросшее число награжденных, в общем качественно ситуация обстояла несколько хуже, чем в предшествующих конфликтах. Так из 46 тыс. Георгиевских крестов лишь 60 имели первую – высшую степень. Помимо этого, происходили и ошибки, в результате которых солдаты не получали заслуженных наград.

Подобная ситуация, например, произошла с фельдфебелем Иваном Кравцовым служившим в 151-м пехотном Пятигорском полку. Иван получил своего заслуженного «Георгия» первой степени столько спустя 25 лет после окончания войны, в 1904 г. Из-за этой оплошности его Знак отличия первой степени получил самый большой номер из всех полученных за ту кампанию – 450, что по совместительству сделало его и 450-м полным кавалером Знака Отличия военного ордена святого Георгия. Первоначально же взамен заслуженной 1-й степени за проявленную отвагу при взятии крепости Карс Кравцов повторно получил Георгиевский знак четвертой степени. Таким образом, он имел по одному экземпляру третьей и второй степеней, и сразу два креста четвертой степени. Но, хоть и спустя 25 лет эта ошибка была исправлена и Иван Кравцов, теперь уже отставной фельдфебель, получил заслуженную им награду.

Знаков Отличия второй степени было выдано уже почти в 6 раз больше чем первой, 340 против 60. Семен Молев получил первый Георгиевский крест в Русско-Турецкую войну 1877-1878 гг, Он служил рядовым казаков во второй сотне Уманского конного полка Кубанского казачьего войска. Получил Молев свою награду «за отличное мужество и храбрость, оказанные в Эриванском отряде во время военных действий противу турок в апреле, мае и июне месяцах 1877 г.». Он был награжден Знаком Отличия военного ордена святого Георгия 2-й степени под номером 54. В апреле вторая сотня Уманского конного полка совместно с остальными русскими войсками отстояла крепость Баязете, именно это имелось ввиду под «действиями противу турок». Знак 2-й степени

с самым большим номером (1279) был присужден волонтеру князю Ивану Шаховскому «за отличие 14 января 1878 года» [65].

3-ю степень награды получили около 2000 человек. Самый маленький номер (252) был выбит на знаке, выданном «за отличие в разновременных делах и перестрелках с турками в апреле, мае и июне 1877 г.». Самый же большой (10 067) был снова выдан вместо креста 4-й степени, полученного во второй раз. Но теперь ошибка выяснилась лишь через 30 лет после свершения подвига. И в июне 1909 г. «отставной милиционер из Кутаисской губернии» Темуке Чкония получил Знак Отличия 3-й степени, заслуженный «за отличие в разновременных делах в 1877-1878 гг.». Таким образом, на все знаки 3-й, 2-й и 1-й степеней приходится 2 400 наград, что составляет всего 5,2% от общего числа наград. Это было и не удивительно, ведь стоит вспомнить, как скупно вручались эти награды, а чтобы добиться повторного вручения нужно было сильно выделиться среди остального личного состава подразделения [65].

Кузьма Грузоев стал первым бойцом, который был награжден Знаком отличия в той войне. Он получил Георгиевский крест 4-й степени под номером № 22 325. К награде он был представлен уже 30 апреля за «отличие в деле с турками 13, 14 и 29 апреля 1877 г.», при условии, что война официально была объявлена 12 апреля 1877 года. Служил Кузьма в первом Кавказском стрелковом батальоне в чине фельдфебеля [65].

Помимо русских солдат награду получали и славяне-союзники. Одной из самых «Егориевских» среди них была знаменитая 3-я Болгарская дружина, которая получила в общей сложности 34 «Егория», причем 10 крестов бойцы этой дружины получили за бои на Шипке [27].

Отдельно стоит отметить отношение российских военных к мусульманам. Для них во время кампании 1877-1878 гг. был специально разработан отдельный Георгиевский крест. Отличался он в первую очередь тем, что в центре наградного креста отсутствовало изображение святого Георгия Победоносца, сидящего на коне и поражающего копьём змия.

Поскольку это был библейский святой, то, дабы не оскорблять чувства мусульманских верующих, было принято решение заменить святого Георгия на герб Российской империи – двуглавого орла. Эти награды носят особую ценность для коллекционеров ввиду их крайне малого количества (куда чаще союзникам-иноверцам вручали медали с надписью «За храбрость» и изображением императора (в данном случае Александра II) [27].

Дополнительную редкость «иноверческого креста» (именно так эту вариацию Знака отличия называли в то время) придает и тот факт, что они выбиваются из общего реестра Георгиевских крестов, их нумерация велась отдельно. В отличие от медали «За храбрость» эта награда была полноценной копией Георгиевского креста, она так же содержала четыре полноценные степени, которые вручались по тем же принципам, что и у обычных Георгиев. Знак 1-й степени № 1 получил Лабзан-Ибрагим Халил-оглы служивший в чине юнкера милиции 2-го Дагестанского конноиррегулярного полка «за отличия, оказанные в делах и перестрелках, бывших с турками со времени перехода войск Действующего корпуса через границу». Еще раньше он заслужил предыдущие 4-ю, 3-ю и 2-ю степени этого же знака для иноверцев, с номерами соответственно 191, 181, 134. С получением иноверческого креста 1-й степени Лабзан-Ибрагим Халил-оглы стал еще и первым неправославным военным служащим, который стал полным кавалером Георгиевского креста, а его память до сих пор чтят его соотечественники – народ лакцев [30]. Всего же за все время существования награды ее полным кавалерами стали 19 человек.

В числе немногих гражданских лиц, награжденных в эту кампанию солдатским Георгием, был Василий Иванович Немирович-Данченко, старший брат выдающегося отечественного режиссера Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Известный к тому времени писатель, Василий Иванович приехал военным корреспондентом на Дунайский театр и скоро был признан лучшим публицистом, пишущим о событиях 1877-1878 гг. Но, кроме литературного таланта, эта война позволила Немировичу-Данченко проявить и незаурядное личное мужество под огнем врага, за что он был награжден

Знаком Отличия Военного ордена 4-й степени. Между прочим, позднее, уже в Русско-Японскую войну, Василий Иванович, оставаясь корреспондентом, за конкретный подвиг, связанный с обороной Порт-Артура, получил офицерский боевой орден Станислава 2-й степени с мечами [15].

1.2 Изменения Георгиевского креста как самой массовой награды Российской Империи в начале XX в. во время Русской-Японской и Первой мировой войн

Русско-Японская война 1904-1905 гг. несмотря на свою небольшую продолжительность была очень богата на Георгиевских кавалеров. Всего за годы войны эту награду присуждали около 87 000 раз [24]. С точки зрения награждений Георгиевскими крестами она мало отличалась от предыдущих военных конфликтов, за исключением одного очень интересного факта: начиная с Русско-Японской войны происходят куда более частые «повторные» награждения Георгиевскими крестами, появляется большое количество задокументированных кавалеров 5 или даже 6 Знаков отличия военного ордена. Такие ошибки были обусловлены, в первую очередь бюрократической неразберихой военного времени, важное влияние оказал и тот факт, что число награждаемых существенно увеличилось (если брать во внимание тот факт, что за Русско-Турецкую войну 1877-1878 гг. общее число выданных Георгиевских крестов достигло 46 000, что почти вдвое меньше чем за кампанию 1904-1905 гг.).

Обычно, когда происходили подобные ошибки, то повторные награды изымались Капитулом орденов, но это не означало потерю бойцом важной награды. Взамен изъятого ордена он получал иную награду, если речь шла именно о Георгиевских крестах, то чаще всего присуждали Знак отличия более высокой степени [24].

Во время Русско-Японской войны очень редко, но происходили случаи награждения семью Знаками отличия. Большую часть подобных ошибок

можно объяснить следующим способом: во время обороны Порт-Артура большую часть гарнизона крепости составляли моряки, которые служили на находящихся в порту русских военных кораблях. И, поскольку оборона крепости, которая продлилась одиннадцать месяцев, была главным событием той войны, то и среди обороняющихся было большое количество солдат, матросов и унтер-офицеров, которые проявили исключительный героизм и храбрость в борьбе с японскими войсками. Из-за чего складывается нестандартная ситуация, породившая столько прецедентов неоднократных присуждениях одних и тех же наград с равными степенями.

Из-за того, что моряки не являлись частью сухопутных вооруженных сил, награды они получали от флотского командования. Однако, как уже говорилось выше, они являлись неотъемлемой частью гарнизона Порт-Артура и в боях с японцами участвовали в составе гарнизона. В результате этого нередко были случаи, когда одного и того же бойца представляли к одним и тем же наградам и сухопутное и флотское командование.

Одним из наиболее ярких примеров такой ошибки можно назвать прецедент, произошедший с Василием Федоровичем Бабушкиным, знаменитым русским силачом, которого в народе звали «вторым Поддубным». Василий Федорович служил на броненосном крейсере «Баян» в чине квартирмейстера 1-й статьи и был кавалером семи Знаков отличия (он имел по 2 креста 4, 3 и 2 степеней). Подобных примеров можно привести массу, достоверными «многократными кавалерами» можно считать: боцман эскадренного броненосца «Пересвет» Иван Змановский (так же как и Бабушкин имел 7 Георгиевских крестов, три из которых было третьей степени); Роберт Генрихович Бергман (с Робертом Генриховичем ситуация вышла еще более интересная: в списках Капитула он числится как полный кавалер с четырьмя крестами, однако сохранились фотографии где Бергман носит 5 крестов [38], а в газете «Сельский вестник» под номером 235 от 28 октября 1908 г. присутствует заметка о том, что он был награжден Знаком отличия 8 раз [67]). Скорее всего это конечно же ошибка, поскольку в

документах об этих наградах ничего не сказано, но есть и вероятность того, что все лишние комплекты были позднее поменяны на новые Георгиевские медали, введенные Николаем II в 1913 г.); а так же Аввакум Терентьевич Землянин урядник 26-го казачьего полка и др.

Давние неразберихи и чрезмерно большие номера Знаков отличия военного ордена, которые к 1913 г. давно уже перевалили за 200 000, принудили к принятию нового, последнего, статута, который внёс решающие изменения в сей славный орден. Теперь Знак отличия военного ордена святого Великомученика и Победоносца Георгия официально назывался Георгиевским крестом, так же нумерация, теперь уже Георгиевского креста, начиналась с начала. Был упразднен так называемый «иноверческий крест», абсолютно все военнослужащие награждались одинаковыми крестами с изображением святого Георгия посередине, независимо от их вероисповедания.

Были так же расширены рекомендации по подвигам, за которые следовало награждать Георгиевским крестом, появились новые статьи, прямо показывающие внедрение в войска новых технологий, например: «кто, при телеграфных, телефонных и сигнализационных работах, под сильным и действительным огнем неприятеля, руководя командой, или лично, будет в течение боя, на важном пункте, поддерживать непрерывную связь наших войск, причем действия эти послужат одною из главных причин достигнутого нашими войсками крупного успеха или предотвратят неминуемое поражение» [69]. Что свидетельствует о появлении и широком использовании в войсках телефонной связи.

В четвертой части статута говорится о введении совершенно новой награды – Георгиевской медали. Она представляла из себя «меньший» Георгиевский крест, о чем свидетельствует статья 145А6: «кто совершая подвиг, достойный награждения Георгиевским Крестом, не мог довести оный до конца, за ранением» [69]. Медали так же, как и Орден святого Георгия и как Георгиевский крест, подразделялась на 4 степени, где наименьшей являлась 4.

Первая мировая война, она же Великая война, начавшаяся 28 июля 1914

г., стала переломным моментом в истории многих стран Европы начала XX в., особенно сильно от нее пострадали Германия и Россия, для которых эта война сменилась революцией и Гражданской войной. Великая война является первой по количеству выданных «Георгиев» – только первостепенных крестов было выдано около 33 000 штук, что уже больше, чем все Знаки отличия, выданные в период Отечественной войны 1812 г. Всего же было выдано более 1 600 000 «Егориев» всех степеней. Валерий Александрович Дуров приводит следующие данные по награждениям в годы Первой мировой войны: «Из общего количества крестов Капитулом было выслано по годам:

В 1914 году: крестов 1-й степени. – 1.651, 2-й – 3.196, 3-й – 26.560, 4-й – 167.400.

В 1915 году: 1-й – 10.230, 2-й – 21.640, 3-й – 112.540, 4-й – 458.600.

В 1916 – начале 1917 гг. (до 16 февраля): 1-й ст. – 18.031, 2-й – 39.825, 3-й – 144.466, 4-й – 475.550» [16].

Когда количество Георгиевских крестов 4-й степени перешагнуло отметку в 1 млн, то выяснилось, что «на поперечных концах креста уместить более шести знаков без значительного уменьшения самих цифр не представляется возможным, является необходимость установить, как изображать нумерацию крестов в семь цифр», данная проблема была решена 17 июня 1916 года: «для устранения вышеуказанных неудобств, а также для сохранения однотипности знаков, являлось бы целесообразным поместить цифру, соответствующую миллиону, на свободной верхней лопасти креста, цифру же тысяч, сотен, десятков и единиц размещать на поперечных концах креста». Теперь на Монетном дворе чеканили кресты с надписью «1/М» (что означало 1 миллион) на верхнем луче [16].

Такое количество наград уже в мае 1915 года вынудило правительство снизить количество серебра и золота в новых крестах, а с 10 сентября 1916 г. и вовсе убрать драгоценные металлы из наград (они помечались буквами «ЖМ», что означало желтый металл, и заменяли собой кресты 1-й и 2-й степеней, и «БМ», что означало белый металл, и заменяли собой кресты 3-й и 4-й степеней).

Всего было отчеканено 168 000 таких «Георгиев». Помимо этого, в течении всей Великой войны изготавливались награды без номеров. Чеканили их для скорой замены утерянных крестов и более оперативного награждения в условиях путаницы военного времени. Всего к октябрю 1917 года было изготовлено около 6 800 подобных «безномерных» Георгиевских крестов.

20 сентября 1914 года император Николай II лично вручил Георгиевский крест 4-й степени №1 в Царском Селе рядовому 41-го пехотного Селенгинского полка Петру Черному-Ковальчуку, захватившему в бою знамя австрийского гренадерского полка. Крестом той же степени с порядковым №2 император наградил унтер-офицера того же полка Алексева. Георгиевский крест 3-й степени №1 получил вахмистр-подпрапорщик лейб-гвардии Конного полка Ананий Рушпица, крест 2-й степени №1 достался вахмистру-подпрапорщику лейб-гвардии Гусарского полка Егору Шестакову [48].

Крестом высшей степени с номером 1 был награжден фельдфебель-подпрапорщик 1-го пехотного Невского полка Никифор Климович Удалых [30]. В середине августа 1914 года после неудачных боев в Восточной Пруссии полк отступил, а полковое знамя Никифор Удалых вынужден был зарыть при отходе. Через некоторое время Удалых вместе с поручиком того же полка Александром Ипатьевым отправились на занятую противником территорию, нашли знамя и доставили его к своим. При этом оба героя были обстреляны немцами и Игнатъев получил ранение. За этот подвиг Никифор Удалых был представлен сразу к Георгиевскому кресту 1-й степени, а поручик Александр Игнатъев стал кавалером 4-й степени ордена Святого Георгия.

Необычным был кавалер Георгиевского креста четвертой степени под номером 16602, его к ноябрю 1914 года получил Анатолий Красильников охотник (то есть доброволец) 205-го пехотного Шемахинского полка, который, как гласит приказ командира 3-го Кавказского корпуса, «на перевязочном пункте оказалась девицей Анной Александровной Красильниковой, послушницей Казанского монастыря» [16]. Выяснилось, что Красильникова пошла на войну за своими братьями, которых забрали с Артиллерийского

завода, поступила в ту же часть и за проявленную в боях храбрость получила заслуженную награду. Причем несмотря на курьезность сложившейся ситуации Георгиевского креста у Анны Александровны отнимать не стали, поскольку независимо от пола она проявила храбрость, присущую истинному кавалеру Георгиевского креста. Подобные ситуации нередко случались на фронте в то время, поскольку в начале войны женщинам разрешалось служить только в санитарных частях, но многие девушки желали попасть на фронт и помочь в это непростое время своим братьям, отцам и дорогим мужчинам.

Помимо женщин награждали и детей, которые сбегали из родительских домов и прибывали к военным частям. Одним из таких «малолетних» солдат был к слову один из самых выдающихся маршалов Советского Союза Малиновский, который в 1914 г. пробрался в вагон военного эшелона, где был принят солдатами и стал сначала помощником пулеметчика, а потом и самим пулеметчиком, прошел через всю войну и даже был определен в Русский экспедиционный корпус, который воевал во Франции и был отправлен в помощь союзникам для борьбы с немцами и представлял собой обстрелянных ветеранов. Родион Яковлевич был награжден двумя Георгиевскими крестами и Георгиевской медалью. Но Малиновскому на момент начала войны было уже 16 лет, так что совсем ребенком его назвать сложно. Совсем другое дело Коля Смирнов, который подался на фронт уже в 12 лет в качестве добровольца, но вскоре попал в плен, где не выдал немцам под плетями никакой информации, позже сбежал и спас своего офицера, вывел его из-под огня и сопровождал до перевязочного пункта, захватив при этом неприятельского офицера. За эти подвиги Коля вполне заслуженно был награжден «Георгием» четвертой степени и двумя Георгиевскими медалями [29].

Первым военнотружущим получившим Георгиевский крест в Первой мировой войне стал ефрейтор 3-го Донского казачьего полка имени Ермака Тимофеевича Кузьма Крючков. 11 августа 1914 года ефрейтор Крючков был награжден «Егорием» четвертой степени №5.501. В самом начале войны он с еще четырьмя рядовыми казаками напоролся на немецкий конный разезд и в

результате боестолкновения поразил 11 вражеских кавалеристов [33]. Одним из убитых им немцев был офицер. Сам Кузьма получил в этом бою 16 ранений. За эти подвиги он получил свой заслуженный крест и остался в памяти поколений до наших времен.

Однако возникает вполне закономерный вопрос – почему же первый Георгиевский кавалер получил крест с номером 5 501. В первую очередь это объясняется тем, что «кресты» отсылались в войска сразу большими партиями. В следствии чего можно сделать вывод, что 1-я армия Северо-Западного фронта, в которой служил Крючков, имела при себе кресты, начинавшиеся со столь большого номера. Самым первым из них и отметили отважного донского казака.

Крест 4-й степени под номером 1 получил немного позже совершенно другой военнослужащий. Им был награжден рядовой 41-го пехотного Селенгинского полка Пётр Чёрный-Ковальчук 20 сентября 1914 года [33]. Его молодому рядовому вручил лично император Николай II в Царском Селе. Подвиг Чёрного-Ковальчука носил показательный характер и фигурировал в рекомендациях к награждению Георгиевским крестом еще с самого его учреждения Александром I в 1807 году. Пётр захватил австрийское знамя и принес его в свой штаб, что во все времена являлось крайне героическим и очень выдающимся достижением для любого бойца, начиная с античных времен и заканчивая современностью.

История первого креста наивысшей 1-й степени с порядковым номером 1 тоже была очень примечательна. Этим «Егорием» был награжден Никифор Климович Удалых [27], фельдфебель-подпрапорщик 1-го пехотного Невского полка. Совершенный им подвиг носил крайне нестандартный характер. Как известно, начало войны для Российской империи складывалось не лучшим образом, из-за чего русские войска в августе-сентябре 1914 года были вынуждены часто отступать. Такой приказ на оставление позиций получил и 1-й пехотный Невский полк, однако отступать приходилось в кратчайшие сроки и Никифор Климович решил зарыть полковое знамя, чтобы то не

досталось врагу. Когда ситуация на фронте несколько стабилизировалась и наши войска в Восточной Пруссии укрепились на позициях Удалых вместе с товарищем поручиком Александром Ипатьевым пробрались в занятые врагом бывшие русские окопы, нашли знамя и доставили его в штаб своего полка. Тем самым Ипатьев и Удалой точно выполнили одно из условий награждения Георгиевскими наградами вызволив знамя своего полка из рук неприятеля, несмотря на то, что враг и не знал о том, что у него в руках находится столь важная реликвия. За этот подвиг Никифор Удалых был представлен сразу к Георгиевскому кресту 1-й степени и получил знак с порядковым номером «1», а поручик Александр Ипатьев поскольку был офицером был представлен к Ордену святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени.

Единственный известный случай массового награждения почетным Георгиевским крестом произошел в 1916 г. [16], этими крестами были награждены защитники французской крепости Верден за проявленную храбрость и доблесть, а также нечеловеческую стойкость, проявленную французскими солдатами в период «Верденской мясорубки», это так же было и самое массовое награждение иностранцев.

Лишь героическая смерть ценилась выше награды – ордена Георгия. Князь Ливен через несколько лет после войны вспоминал эпизод из германской кампании: «Один из офицеров награжден орденом св. Георгия Победоносца. Взводный унтер-офицер его эскадрона поздравляет его следующими словами: «Поздравляю Ваше Высокоблагородие с Белым Крестом, теперь Вам только остается заработать деревянный крест». Лечь на поле брани – честь гораздо более высокая, чем награждение высшим военным орденом».

Известно одно оригинальное награждение орденом. В 1914 г., в связи с началом мировой войны, в России была проведена всеобщая мобилизация. Она прошла успешно, и руководивший ею в Генеральном штабе генерал А.С. Лукомский получил необычную награду: Владимирскую ленту на его ордене св. Владимира 4-й степени заменили лентой Георгиевской, более почетной, хотя и не такой высокой, как собственно орден св. Георгия,

дававшийся исключительно за боевые заслуги. Современник вспоминал, что «шутники немедленно на это изобретение откликнулись и назвали новый орден Владимир Георгиевич» [16].

Тем не менее, несмотря на некоторую анекдотичность ситуации, 6 декабря 1914 г. последовал императорский указ, которым Николай II «в воздаяние особых заслуг исправляющего должность начальника Канцелярии Военного министерства генерал-лейтенанта Лукомского, оказанных им делу блистательного выполнения мобилизации нашей армии, всемилостивейше соизволил пожаловать ленту ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия к имеющемуся у него ордену Св. Равноапостольного Князя Владимира 4-й степени».

Многие будущие члены высшего командования Красной армии СССР так же были награждены Георгиевскими крестами за подвиги, которые они совершили в Первой мировой войне. Выше уже говорилось про Родиона Малиновского, который был кавалером «Георгия» и имел кресты 4-й и 3-й степеней. Так же Георгиевскими крестами был награжден и один из виднейших военачальников XX в. Георгий Константинович Жуков [20]. Когда еще молодой Жуков (которому на момент начала войны было 18 лет) получил свой первый крест, то сослуживцы подшучивали над ним: «Смотрите ребята, Георгий Георгия получил». Так же были награждены и Константин Рокоссовский, и герой революции Василий Иванович Чапаев [16].

Среди прочих приведенных Чапаев имел Георгиевский крест 2-й степени, иногда встречаются упоминания о том, что Василий Иванович был полным кавалером, однако по документам он имел лишь 3 креста: Георгиевский крест 4-й степени №46 347, 3-й степени №49 128 и в феврале 1917 года, перед самой революцией, получил 2-ю степень № 68 047. Неразбериху, возможно, внёс факт того, что он так же был награжден и Георгиевской медалью 4-й степени, которую ошибочно могли причислить к Георгиевским крестам и таким образом Чапаев становился полным кавалером, но, как мы видим, это было не так [33].

Был среди будущих «Красных» главнокомандующих и пятикратный Георгиевский кавалер – Семён Михайлович Будённый. В отличие от многих ошибочных случаев присуждения этих наград, которые были нередки во время Русско-Японской и Великой войны, Семён Михайлович действительно был дважды награжден крестом 4-й степени, поскольку первый Георгиевский крест у него был изъят в результате драки и таким образом Будённый 5 раз представлялся к награде. Помимо этого, он так же является полным Георгиевским кавалером, поскольку имел полный комплект наград как Георгиевского креста, так и Георгиевских медалей.

Как уже было сказано, несмотря на принятые в 1913 году изменения, в военное время наградная бюрократия вновь дала сбой и учитывая, что количество наград в Первую мировую увеличилось в 18 раз по сравнению с Русско-Японской, отчего у приумножились прецеденты награждения солдат и унтер-офицеров одинаковыми степенями. Сохранилось даже множество фотографий героев, которые были запечатлены с пятью, а то и более Георгиевскими крестами, наиболее известными из них можно считать следующих: Алексей Васильевич Жидик подпрапорщик 2-го эскадрона 9-го Киевского гусарского полка (был полным кавалером Георгиевских наград и имел два креста 4-й степени с номерами 59 718 и 115 104); Пантелей Назарович Найденов подпрапорщик 9-й роты 15-го стрелкового Его Величества Черногорского Короля Николая I полка (так же полный кавалер Георгиевских наград, имел два креста 2-й степени с номерами 17 554 и 21 118); Прокопий Епифанович Леонов; Клим Стефанович Усенко и др. [33].

Альфонс Пуарэ стал единственным иностранным бойцом который был награжден всеми четырьмя Георгиевскими крестами. Пуарэ был летчиком на Восточном фронте. В новых воздушных боях он заслужил офицерский чин, ордена Св. Станислава 2 степени с мечами, Владимира 4 степени с мечами и бантом, Золотое Георгиевское оружие [28].

Особую сложность представляет собой работа со списками награждённых солдатскими Георгиевскими крестами после 1913 года. Всех

Георгиевских кавалеров должны были вносить в общий Вечный список. В ходе 1-й мировой войны офицеры, отмеченные орденом Св. Георгия, в этот список заносились. Но фамилии кавалеров солдатских Георгиевских крестов и медалей, по причине многочисленности награждений, предполагалось туда поместить под соответствующими номерами по окончании военных действий. Война же для России, как известно, окончилась революцией, и в Вечном списке остались лишь нижние чины, получившие награды до 1913 года. Но сохранившиеся в архивных документах, пусть подчас скудные и отрывочные, сведения о награждениях солдатским «Егорием», являются наглядным свидетельством мужества и героизма воинов Российской Императорской Армии в годы 1-й мировой войны.

Несмотря на колоссальные объемы выпускаемых в годы Великой войны наград, подлинные Георгиевские кресты можно найти лишь в музеях и частных коллекциях. Причиной того, что награда, отчеканенная в количестве более 1 600 000 экземпляром, стала такой редкостью до печального проста – всему виной стали революции и смена власти, которая повлекла за собой полное обесценивание императорских наград [16]. А те, кто все же получал Георгиевские кресты или какие-либо еще награды за отличия в боевых действиях, вызывали дополнительный интерес у контрреволюционных органов. К этим людям относились с презрением и опаской, независимо даже от того, служил ли этот человек в Белой гвардии во время Гражданской войны или же нет. Народ старался всячески избавиться от ранее очень престижных, а теперь больше опасных наград.

Еще в 1917 году Керенский призвал Георгиевских кавалеров сдавать свои кресты «на нужды революции». Так, к примеру, сдал свои кресты будущий маршал Жуков. Больше всего было отдано крестов в период массового голода в Поволжье и на Украине, а также в других частях страны. Существовали так называемые торгсины – специальные магазины, где принимали драгметаллы, изъятое таким образом серебро советское правительство отправляло на переплавку.

Глава 2. Доблесть и отвага ставропольчан – кавалеров Георгиевского креста Великой «Забывтой» войны

2.1 Ставропольский уезд Самарской губернии в годы Первой мировой войны 1914-1917 гг.

29 июля 1914 г., на следующий день после начала войны, в Ставрополь пришли вести о начале военной кампании, которая во многом изменила уезд и вынудила ставропольчан сражаться за жизнь не только на полях сражений Великой войны, но и в глубоком тылу. Правительство опубликовало манифест о мобилизации. Ставропольская губерния была объявлена на положении чрезвычайной охраны [79].

Ставрополь в это время являлся регионом слабо развитым в промышленном плане, концентрация производств здесь была низкой, а основным занятием населения оставалось земледелие [32]. Как и в остальных уездных землях Российской Империи, механизация сельского хозяйства была низкой, из-за чего война «ударилась» по экономике Ставропольского уезда. Особенно это касалось числа посевных площадей в первый год Первой мировой, поскольку, как и при любой другой войне, множество мужчин ушло воевать на передовую, а также оказывать поддержку в тыловых частях, охраняя стратегически важные объекты, охраняя военнопленных, работая на предприятиях и выполняя множество иных не менее важных задач.

Помимо потери рабочих рук положение осложняло и то, что фронту так же требовались и сельскохозяйственные животные, а именно лошади, в которых всегда остро нуждалась русская кавалерия и казацкие полки. Это было связано в первую очередь с тем, что характер боев на Восточном фронте был куда более мобильным, нежели на Западном [73] Особенно хорошо эти различия видно в первые полгода боевых действий, когда русской армией активно применялись кавалерийские части для атак на конвои, артиллерию и совершений рейдов по тылам немецких и австрийских войск [7]. Нехватка

лошадей, как основной тягловой силы во время распашки земли, вынуждала крестьян использовать для этих целей коров, что сказывалось на качестве запашки и, соответственно, на количестве собираемого урожая. Неблагоприятно на качество прделываемой работы влияла и плачевная ситуация с сельскохозяйственным инвентарем: поставки из заграницы были крайне ограничены военными действиями, а местные производства в первую очередь удовлетворяли военные заказы. Ухудшало положение и чрезвычайная загруженность железных дорог, в следствии которого можно было просто не дожидаться заказанных инструментов к нужному моментом, нередки были ситуации, когда заказанные к весне инструменты приходили осенью или вовсе зимой [4].

Но, несмотря на все негативные факторы, сложившиеся на момент начала Первой мировой войны, нельзя говорить о том, что сельское хозяйство в Ставропольском уезде пострадало чрезвычайно сильно. Об этом свидетельствует количество десятин земли, которые были вспаханы и засеяны в военное время, а именно:

- яровых культур в 1915 г. составил 141,569 десятин, а в следующем 1916 г. 142044 десятины [13].
- рожью было засеяно в 1914 г. 159,023 десятины земли, в 1915 г. - 161,043 десятины, а в 1916 г. - 167,680 десятин [4].

На основе этих данных можно сделать вывод о том, что посевные площади даже немного увеличились, однако стоит помнить об ухудшении качества запашки. В газете «Волжское слово» за 22 января 1915 г. говорилось о том, что: «несмотря на уменьшение количества рабочих рук количество посевов ржи почти не уменьшилось с 1911 г., когда крестьяне засеяли наибольшую площадь земли за последний пятилетний период» [13]. Достигнут такой рост был за счет многих мер, которые были приняты как губернским правительством, так и местным, уездным управлением. Одной из самых знаковых мер, принятых губернскими властями, были обязательные выплаты семьям мобилизованных, которые к 1 июля 1916 г. достигли суммы в

3,015,695 рублей, причем 1,123,336 рублей приходится только на период с 1 января по 1 июля 1916 г., что говорит о том, что со временем программа не сворачивалась, несмотря на рост нуждающихся в пособиях семей [85]. Об этом говорит и число семей нижних воинских чинов, которые призревались государством: «В 1914 г. призревалося 10977 семей, в них 25215 едоков, которым выдано пособия за время с 18 июля 1914 по 1 января 1915 г. 273,415 руб. 5 коп.», к 1916 г. это число увеличилось почти в четверо и составляло уже 41795 семей, в коих призревалося 121,115 человек. Таким образом, и объем пособий на декабрь 1916 г. вырос многократно – до 950,841 руб., в то время как на этот же период 1915 г. приходилась сумма в 387,390 руб., что говорит об увеличении общей суммы выданных пособий почти в три раза [83].

Помимо этого, всем семьям крестьян выплачивалось пособие в размере 30 руб., и дополнительная сумма в 25 руб., если в дворе не оставалось рабочих рук, отчислялись они для наема работников [12]. А также весной 1915 г. были учреждены пособия для детей военнослужащих в виде «праздничного пособия» в размере 1 рубля на каждого ребенка возрастом до 5-ти лет [81].

Подобная поддержка со стороны действующих властей, конечно, несколько облегчала финансовую ситуацию местного населения, однако очень острым оставался вопрос о недостатке рабочих рук. Было крайне сложно даже найти наемных рабочих, на которых государство выделяло деньги. Власти города и губернии видели спасение в беженцах из западных русских губерний. Однако к 1916 г. на территории Ставропольского уезда прибыло 11 159 человек [84], из которых работоспособными являлись не более 10-15%, большую же часть составляли старики, женщины и дети, которые не подходили для тяжелой работы в поле, поэтому была найдена очень выгодная и уместная альтернатива – немецкие и австрийские военнопленные. Они были готовы работать, притом были молодыми и здоровыми мужчинами, что зарекомендовало их как хороших работников [4] и одновременно создало дефицит подобной рабочей силы, ведь помимо Ставропольского уезда всей губернии требовалась дешевая рабочая сила, поэтому в Самарскую губернию

направлялись десятки тысяч военнопленных для работы в сельскохозяйственном секторе. Только в Ставрополье в январе 1916 г. было направлено 3000 военнопленных [82], а через месяц, в феврале, губернские власти получили запрос еще на 300 работников.

Начало столь крупных военных действий вынудило правительство Российской Империи в срочном порядке наращивать производственные мощности, это так же и не обошло стороной Ставрополь. Для удовлетворения постоянно растущих требований армии в городе начали строить новые промышленные предприятия: консервный завод, кожевенный, и две суконные фабрики. Развивающийся промышленный сектор обусловил и увеличение числа рабочих, теперь в Ставрополье их насчитывалось около 5 тыс. человек [79].

Ставропольчане восприняли начавшуюся войну положительно, как и во многих других городах, уездах и губерниях Российской империи, они так же осуждали «зарвавшуюся немчуру» и разделяли желание Николая II сражаться до конца и выйти из войны победителями. О воодушевлении жителей города говорит и то, что городское собрание, на котором было сообщено о столь страшной вести, закончилось распеванием гимна Российской Империи [79].

Жители города активно вступали в добровольцы, которых, как говорилось выше, в это время называли охотниками. Такое прозвище они получили за своё добровольное желание вступить в ряды армии, выражая своеобразную охоту сражаться. Все военнослужащие, подлежащие призыву (в эту группу входило мужское население возрастом до 43 лет), называли ратниками народного ополчения и делили их на 2 разряда: ратники I разряда становились солдатами и шли на укомплектование новых или на пополнение уже действующих частей, а вот в ратники II разряда определяли мужчин, годных с ограничениями, их отправляли в охранение тыловых регионов или в качестве рабочей силы в том же тылу, либо, реже, на передовой.

Ставрополь, выступавший в мирное время как город-курорт, обладал специальными оздоровительными учреждениями, на базе которых в годы

войны были организованы госпитали, одним из самых известных из которых является санаторий «Лесное», ставший госпиталем для офицерского состава на 34 койки. Обеспечивался госпиталь на средства, пожертвованные на его содержание членами местных властей. Во главе госпиталя стоял комитет, который возглавлял владелец санатория – В.Н. Климушин, он же являлся и основным вкладчиком на содержание лечебного учреждения. Так же нам известно, что в комитет состояли следующие лица: «председатель уездной земской управы Н.В. Тресвятский, городской голова В.М. Войнатовский, член земской управы П.И. Ледомский и земский ветеринарный врач К.И. Штрик». За все время работы госпиталя в нем проходило лечение около трехсот раненных солдат и офицеров, как нижних, так и высших чинов [4].

Первая мировая война оказала и серьезное влияние на привычную жизнь. Из-за постоянно растущих требований к поставкам рабочие смены длились по 12 часов, так же очень широко была распространена сверхурочная работа, узаконенная в 1915 г., в результате чего реальная продолжительность рабочего дня составляла 14-15 часов в сутки [79]. Из-за этого работники были крайне измотаны и уже в 1915 г. начинаются редкие локальные выступления, такие, например, как забастовка рабочих-мукомолов в Мелекесе 1 апреля 1915 г., они требовали повышения оплаты труда за свой тяжелейший труд, но, из-за сложностей, вызванных военным временем, это не представлялось возможным, поэтому единственная мера по урегулированию конфликта, которая могла быть предпринята, это арест зачинщиков забастовки [4].

Отдельно стоит отметить, что, в отличие от западных регионов империи, эти выступления не имели особых последствий и никогда не разгорались в нечто большее, благодаря дальновидной политике губернского правления подобные проблемы во многом удавалось решать еще до эскалации конфликта между работниками и работодателями. Это было достигнуто благодаря тому, что губернатор А.А. Станкевич крайне серьезно отнесся к требованию царского правительства о отслеживании и подавлении в зародыше всех антиправительственных выступлений. Для этих целей был увеличен контроль

властей над общественной жизнью граждан, было увеличено число рядовых полицейских чинов. В итоге же выяснилось, что эти опасения были напрасными и Ставрополье оставалось одним из самых спокойных регионов.

Причиной для всех выступлений и недовольства населения в первую очередь служил постоянный рост цен на все товары, особенно на жизненно необходимые по типу хлеба и угля, цены на разные товары увеличились на 100-300%, в то время как заработная плата рабочих увеличилась в среднем только на 10-15% к 1916 г. Хорошим примером подобных увеличений может послужить стоимость ежемесячного пайка для жителей, находящихся на государственном пособии: в 1914 г. сумма ежемесячного пайка составляла 2 руб. 26 коп., но к 1 сентября 1916 г. он достиг уже 3 рублей на едока. Цены на различные продукты также сильно выросли (все цены указаны на момент августа 1914 г. и начало 1916 г.): фунт белого хлеба поднялся с 5 до 8 коп. фунт сахара с 18 до 25-27 коп. пуд гречневой крупы с 2 до 4 рублей и т. д. [83]

Но, несмотря на все неблагоприятные факторы в виде непрекращающегося роста цен, постоянного притока беженцев и серьезной нехватки рабочих рук в первые месяцы войны, а также сложностей со снабжением и обеспечением населения промышленными товарами и сельхоз инструментами, Ставропольский уезд, как уже говорилось выше, оставался одним из самых тихих и спокойных регионов Российской Империи. Во многом это было связано с тем, что подавляющее большинство населения занималась земледелием, а Приволжские земли всегда являлись крайне плодородными, в результате чего население во время войны не страдало от голода, нехватка продовольствия резко ощущалась лишь в самом Ставрополе. Однако, до весны 1917 года эти территории не были особо подвержены революционным настроениям [4].

Ставропольчане, призванные в первую волну, в основном попали в 246-ю и 259-ю дружины самарского ополчения. В дальнейшем же многие жители уезда попали в 329-й пехотный Бузулукский полк, 12, 19 и 30-й Сибирские стрелковые полки, 12 и 14-й Финляндские стрелковые полки и в многие другие

части. Наибольшее число приходилось именно на 329-й Бузулукский полк, одних только кавалеров Георгиевского креста уроженцев Ставропольского уезда в нем было 30 человек (из общего числа кавалеров в 190 человек), что составляло 16% от общего числа награжденных.

2.2 Героические подвиги награжденных знаком отличия военного ордена – «Георгиевский крест» в Первой Мировой войне

Ставропольский уезд Самарской губернии, как и прочие части великой Российской Империи, оказался ввязан и тесно связан с Великой войной, которая оказала колоссальное влияние на все российское общество и, как показал 1917 г., изменило его до неузнаваемости, переменив взгляды простых рабочих и крестьян на царскую власть в считанные годы. Конечно, нужно понимать, что Ставрополь был крупным, но уездным городом, из-за чего население города и всего уезда было не слишком большим. Если в столичном Петербурге на момент начала боевых действий проживало около 2 млн человек, а в Москве приблизительно 1,7 млн, то во всем Ставропольском уезде, по спискам 1910 г., значилось не более 354 тыс. человек, что в 5 раз меньше населения столичного Петербурга. Из этого следует и то, что число призванных из уезда людей было относительно небольшим.

К настоящему моменту, по данным Тольяттинского Государственного Архива, известны имена 2,5 тысяч мужчин, которые были призваны на военную службу в период Первой мировой войны [35]. Из них 190 бойцов стали кавалерами Георгиевского креста, среди которых было и 4 полных кавалера [4].

Из общего фона резко выделяется личность Долматова Владимира Ивановича, родившегося в селе Кременское Ставропольского уезда, ныне это село Кремёнки Ульяновской области. Владимир Иванович начал свою военную службу в 1910 г. в качестве «срочника», в 1914 году проходил сверхсрочную службу и к началу Великой войны имел звание подпрапорщика.

На момент начала боевых действий он находился в 190-м пехотном Очаковском полку, в котором занимал должность разведчика. В.И. Долматов стал известен благодаря своей доблести и мужеству в разведке и борьбе с неприятелем, за что уже 18 октября 1914 г. был произведен в офицеры и получил первое звание прапорщика, а также новую должность начальника пеших разведчиков своего подразделения [46].

О смелости и готовности идти на подвиг рискуя собственной жизнью говорит и то, что он стал полным кавалером Георгиевского креста за подвиги, совершенные им в течении октября-ноября 1914 г. Крест 4-й степени Владимир Иванович получил за подвиг, совершенный им 14 октября 1914 г., в приказе №71 по 24-му армейскому корпусу от 31 марта 1915 г. это событие описано следующим образом: «В бою 14 октября 1914 года при деревне Стрельбицы, во время ожесточённой атаки выказал необыкновенное мужество и храбрость».

Георгиевский крест 1-й степени он получил уже в должности командира разведгруппы за то, что «умело управляя подчинёнными, проник в расположение противника, уничтожил при этом два неприятельских караула». Полным кавалером георгиевских наград для низших чинов Долматов стал в феврале 1915 г., когда получил последнюю из георгиевских наград – Георгиевскую медаль 4-й степени [39].

Помимо Георгиевских наград Владимир Иванович был так же награжден почетными орденами: св. Анны 4 и 3 степеней, св. Станислава 3 и 2 степеней, а также был представлен к ордену святого Георгия 4-й степени и Георгиевскому оружию.

После окончания Первой мировой войны В.И. Долматов вступил в ряды Белой гвардии в составе 9-го Ставропольского стрелкового полка, с 6 декабря 1918 г. был возведен в звание подполковника, однако дальнейшая судьба этого выдающегося уроженца Ставропольского уезда неизвестна.

Помимо В.И. Долматова полными кавалерами являлись еще 3 уроженца Ставропольского уезда: Иларионов Иван Васильевич, Федин Андрей

Яковлевич и Хазов Павел Кононович. Однако о их военном пути сведений практически не осталось. Все что нам известно о них – это место службы и имена. Все наградные документы этих героев представлены лишь строчками в наградных списках армий, в которых нет никакой информации о подвигах героев. Своего рода исключением можно считать Хазова Павла Кононовича, который был награжден Георгиевским крестом первой степени за № 12 от 15 декабря 1915 г., который был пожалован ему лично императором Николаем II во время смотра полка у Подволочинска [47]. Так же известно, что 9 сентября 1916 г. Павел Кононович был ранен и отправлен в 12-й земский лазарет г. Самара [59], после чего в служебных документах не значился.

Помимо четырех полных кавалеров из числа уроженцев Ставропольского уезда было так же: 6 кавалеров 4, 3 и 2 степеней (А.Ф. Быков, И.Д. Кротов, М.И. Медведев, И.П. Мотков, П.А. Среднев, Иван Чегодаев); 23 кавалера 4 и 3 степеней; 157 кавалеров Георгиевского креста 4-й степени.

Многие из этих бойцов были истинными сынами своего отечества и, проявив доблесть и героизм, получили свои заслуженные награды. Они участвовали так же и в знаковых событиях и операциях Великой войны, примерами этого могут быть:

- Алексеев Андрей Степанович, кавалер Георгиевского креста 4-й степени за номером 777694, служивший 102-м Вятском пехотном полку в звании рядового. Принимал участие в крупнейшем наступлении Великой войны - Брусиловском прорыве, но, к сожалению, все что нам известно это факт ранения Андрея Степановича 17 июля 1916 г., во время наступления на д. Дубенка [41].

- Басаргин Семен Алексеевич, кавалер Георгиевского креста 4-й степени за номером 420624, служивший в 188-м пехотном Карсском полку в звании рядового. К награде Семен Алексеевич был представлен за совершенный им во время Польского мешка подвига, а именно: 10 августа 1915 г. был ранен в ногу во время боя у д. Кузово, но, несмотря на опасное

ранение, остался в строю и продолжал сражаться до самого окончания сражения. За проявленную стойкость и героизм Басарагин и был награжден почетной наградой. [49].

- Блинов Григорий Андреевич, кавалер Георгиевского креста 4-й степени за номером 79034, служивший в 329-м пехотном Бузулукском полку в звании старшего унтер-офицера. Как и другие ставропольчане, коих в 329-м Бузулукском полку было достаточно много, принял участие в знаковых операциях и сражениях Первой мировой войны. Доподлинно известно, что Григорий Андреевич принимал участие в Варшавско-Ивангородской операции 28.08-08.11.1914 г. За проявленную доблесть в боях в период с 10 по 15 октября 1914 г., во время форсирования р. Висла у с. Петровин Блинов обратил на себя внимание командование и был представлен к Георгиевскому кресту [48]. Однако уже 20 октября того же года он был ранен у д. Рожь, в госпитале он провел один месяц и уже 27 ноября вернулся в часть. Но, к сожалению, это было не последнее ранение и в период с 1 по 10 мая 1915 г. он вновь был ранен [45], о его дальнейшей службе ничего не известно.

- Бутовичев Филипп Яковлевич, кавалер Георгиевского креста 4-й степени за номером 539996, служивший в 329-м пехотном Бузулукском полку в звании старшего унтер-офицера. Как и сослуживец Г.А. Блинов Бутовичев участвовал в Варшавско-Ивангородской операции и так же принимал участие в боях у с. Петровин, во время которых 12 октября получает ранение и был помещен в лазарет 83 пехотной дивизии [45]. Но, уже 21 октября он был эвакуирован в тыл, что может говорить о серьезном характере полученного им ранения. После выздоровления был направлен в 179-й пехотный Усть-Двинский полк, в котором продолжил служить до 1917 г. 7 июля 1917 г. он выбывает из строя полка, причина выбытия неизвестна, т. к. в документах не значится. К Георгиевскому кресту Филипп Яковлевич был представлен в 1916 г. и 30 марта был награжден [45].

- Васильев Василий Павлович, кавалер Георгиевского креста 4-й степени за номером 733880, служивший в Лейб-гвардии Преображенском

полку в звании лейб-гвардии рядового. Был дважды ранен, после каждого ранения возвращался в строй. Принимал участие в боях во время Польской отступательной операции, во время которой был ранен в первый раз 20 августа 1915 г. на Гудулинских высотах и был отправлен в лазарет своей дивизии [40]. Принимал участие в сражении на Стоходе, которое можно было бы назвать пирровой победой русской армии. Русские гвардейские части форсировали болотистые рукава реки Стоход, но заплатили за это серьезную цену – половину личного состава участвовавших гвардейцев – элиты русской армии. Во время этого сражения Василий Петрович был ранен, однако отличился во время боевых столкновений 15 июля близ д. Райместо, за что получил Георгиевский крест 4-й степени [53].

- Ершов Дмитрий Андрианович, кавалер Георгиевского креста 4-й степени за номером 79021, служивший в 329-м пехотном Бузулукском полку в звании старшего унтер-офицера, весной 1915 г. уже числится как фельдфебель. Так же, как и Г.А. Блинов, своего «Егория» получил за отличия в боях у с. Петровин в октябре 1914 г. [48], за что, скорее всего, в последствии и был повышен до фельдфебеля, однако нельзя утверждать об этом со всей уверенностью. Первый раз в документах Дмитрий Андрианович фигурирует в звании фельдфебеля лишь в именных списках потерь мая 1915 г. [45] когда был ранен. Вернулся ли он обратно в войска неизвестно, есть лишь карточка о переводе Ершова на Самарский Трубочный завод 3 декабря 1915 г [58]. На основании чего можно сделать вывод о том, что в войска он больше не возвращался, следовательно, полученное им в мае 1915 г. было несовместимо с дальнейшей службой, из-за чего его отправили работать в тыл.

- Кистаев Сергей Егорович, кавалер Георгиевского креста 4-й степени за номером 956199, служивший сначала в 16-м Ладожском полку, а после ранения был переведен в 420 пехотный Сердобский полк в звании рядового. Сергей Егорович воевал в русской императорской армии на протяжении всей войны, но, к сожалению, не получил ни одного повышения и до 1917 г. оставался рядовым. Во время службы в армии он участвовал в

Ковельском сражении на Юго-Западном фронте, в Брусиловском прорыве, однако не проявил себя в этих сражениях и свой Крест получил намного позже, 10 января 1917 г. Несмотря на то что Кистаев всю войну провел в боях, Георгиевский крест он получил в Киевском госпитале Всероссийского союза городов №4, в котором он находился с 11 октября 1916 г., во время визита в него Великого князя Георгия Михайловича. И хотя Сергей Егорович получил заслуженную награду крайне досадным является тот факт, что получил он ее не в качестве героя всех пройденных им сражений, а как «нижний чин находящийся на излечении» [52].

- Лаврентьев Петр Корнилович, кавалер Георгиевского креста 4-й степени за номером 420609, служивший в 188-м пехотном Карском полку в звании ефрейтора. Петр Корнилович занимал должность старшего в команде разведчиков своего подразделения, в этом качестве он отличился 12 августа 1915 г., когда вместе со своей разведгруппой выбил противника с укрепленной позиции рядом с д. Бахмут. За этот подвиг Лаврентьев был награжден Георгиевским крестом 4 степени [49]. Немного позднее, 29 августа он был ранен рядом с д. Бармуты в правую руку, после чего был отправлен в госпиталь [43]. Так же известно, что Лаврентьев побывал в немецком плену, однако в какой момент службы это произошло неизвестно, поскольку сохранилась лишь его карточка военнопленного [62].

- Ремнев Михаил Алексеевич, кавалер Георгиевского креста 4-й степени за номером 790539, служивший в 83-м пехотном Самарском полку в звании рядового. Михаил Алексеевич был ранен во время Брусиловского прорыва рядом с г. Барановичи 21 июня 1916 г., поскольку были повреждены лишь мягкие ткани голени он смог быстро восстановиться и 14 июля уже вновь вернулся в строй [55], где проявил себя во время Ковельского сражения 1916 г. 17 сентября он совместно с младшим унтер-офицером В.В. Домбровским, ефрейтором Т.И. Кириюком и рядовым К.А. Рудковским примером личной храбрости и мужества поднял моральный дух бойцов, благодаря чему атака была успешной [51]. 26 ноября 1916 г. Ремнев был награжден Георгиевским

крестом 4-й степени.

- Самсонов Дмитрий Семенович, кавалер Георгиевского креста 4-й степени за номером 649524, служивший в 15-м гренадерском Тифлисском полку в звании рядового. Дмитрий Семенович получил своего «Егория» в непростых условиях: 18 августа 1915 г. он был ранен у д. Зайздость в Литве и командование его, как и многих других раненных в том бою солдат, не смогло вытащить с поля боя в следствии чего они попали в плен к немцам [44]. В плену Самсонов находился почти год, он был возвращен на родину лишь 27 июня 1916 г. [63]. Два дня спустя, 29 июня, Дмитрий Семенович был представлен к Георгиевским наградам по приказу Его императорского Величества как один из пленников-инвалидов, которых удалось обменять 27 июня. Все награжденные перенесли мало того, что все тяготы немецкого плена, так еще и попали туда ранеными, и, скорее всего, в бессознательном состоянии, этот факт не позволял бы назвать их трусами, сдавшимися врагу на милость. За все пройденные муки и лишения они и были представлены к Георгиевским крестам и медалям.

- Тельканов Михаил Никифорович, кавалер Георгиевского креста 4-й степени за номером 488580, служивший в 329-м пехотном Бузулукском полку в звании ефрейтора. Во время уже упоминавшегося выше боя у с. Петровин Михаил Никифорович был ранен и отправлен в дивизионный лазарет, после выписки он вернулся в полк [45]. Через год 2 октября 1915 г. был награжден Георгиевским крестом за то, что 17 августа, вместе со своими товарищами, проявил мужество и храбрость в штыковом бою, отразил атаку и неприятеля и личной храбростью и отвагой смог вдохновить остальных бойцов и поднять их на контратаку, которая увенчалась успехом [50].

- Топорков Василий Осипович, кавалер Георгиевского креста 4-й степени за номером 422931, служивший в 188-м пехотном Карском полку в звании рядового. Свой Крест Василий Осипович получил вполне заслуженно: во время отступления русских войск из Польши Василий Осипович вызвался охотником, т.е. добровольцем, и 21 июля 1915 г. у д. Старая Регов отправился

в разведку, где рискуя жизнью смог добыть и доставить в полк важные сведения о противнике [49], за этот подвиг Топорков был награжден Георгиевским крестом 4-й степени 26 августа 1915 г., но награду он получил в госпитале, 13 августа он был ранен у д. Версток [42].

- Чемидронов Степан Иванович, кавалер Георгиевского креста 4-й степени за номером 454769, служивший в 329-м пехотном Бузулукском полку в звании младшего унтер-офицера. К сожалению, вся информация, которая сохранилась о Степане Ивановиче – это наградные листы, поэтому доподлинно неизвестно, был ли он ранен, находился ли в плену. Но, как уже говорилось выше, до нас дошли наградные листы, из которых мы имеем возможность узнать, за какой подвиг Чемидронов получил «Егория». В бою при д. Староселье Погост-Загородской волости Минской губернии, произошедшем 5 июля 1915 г., Степан Иванович проявил небывалое мужество и отвагу во время штыковой атаки, благодаря чему удалось отбросить неприятеля. За столь явное проявление мужества 2 октября он был награжден Георгиевским крестом 4-й степени [50].

- Шаталов Яков Филиппович служивший в 329-м Бузулукском стрелковом полку в звании старшего унтер офицера. Он принимал непосредственное участие в Варшаво-Ивангородской операцией, которая началась в сентябре 1914 г. и является одной из крупнейших оборонительно-наступательных операций всей Великой войны, в результате которой русские войска смогли нанести тяжелое поражение немецким войскам во главе с прославленным Гинденбургом. Во время этой операции Яков Филиппович был ранен в руку под Сандомиром, в связи с чем 3 ноября 1914 г. он поступил в лазарет города Ардатов Симбирской губернии [56]. Своего «Егория» Шаталов также получил во время этой операции за отличие в боях с 10 по 15 октября 1914 г. во время переправы через р. Вислу близ с. Петровин [48].

- Якушев Степан Яковлевич, кавалер Креста 4-й степени за номером 779366, служившим в 19-м Сибирском стрелковом полку в звании рядового. Он принимал непосредственное участие в прикрытии отхода российских

войск во время Польского мешка, по результатам которого русская армия оставила Польшу и укрепилась на западных границах Российской Империи. Боевой путь Степана Яковлевича выдался очень трудным. Во время Польского мешка он был ранен пулей, в следствии чего попал в лазарет располагающимся в Физиотерапевтическом институте 16 июля 1915 г. [57]. Помимо этого случая Якушева был ранен еще 2 раза, а так же дважды попадал в плен, причем как в немецкий, так и в австрийский.

15 приведенных героев, чьи подвиги во многом показывают дух русского солдата, являются лишь небольшой частью из общего числа героев ставропольчан. Но, к сожалению, очень многие подвиги являются утерянными, поскольку многие документы не сохранились, а те, что сохранились, могут и не носить какой-либо информации о том, за что был награжден солдат или офицер.

Еще сложнее ситуация обстоит с установкой дальнейшего жизненного пути кавалеров Георгиевского креста Ставропольского уезда, поскольку многие дела были утеряны или уничтожены, однако небольшое количество документов сохранилось и на их примере можно увидеть, что и после войны для ветеранов жизнь не стала намного легче. Такими примерами могут послужить:

- Абрамов Иван Ефимович, кавалер Георгиевского креста 4-й степени, ветеран и герой войны, но после революции и заключения Брестского мира ушел из армии, не принимал участия в Белом движении, но и не присоединился к РККА. К тому же был торговцем и зажиточным крестьянином, чем обратил на себя пристальное внимание советской власти. Несмотря на то, что в подрывной деятельности он не участвовал и против коллективизации не выступал, был причислен к кулакам и в 1930 г. был лишен всего имущества. Так же в 1926 г. был лишен избирательного права, поскольку являлся бывшим торговцем [78].

- Борисов Андрей Михайлович, кавалер Георгиевского креста 4-й степени, так же, как и И.Е. Абрамов, покинул армию в 1917 г., не выказывал

симпатии Белому движению, ни в каких контрреволюционных выступлениях участия не принимал. В 1924 г. был лишен избирательных прав как торговец, в 1930 г. так же был выселен как кулак вместе со всей семьей, хотя в собственности имел только 1 дом, 1 лошадь, 2 поросенка, амбар и озимого посева на 2,8 десятин[77].

Приведенные примеры доказывают тот факт, что к героям теперь уже империалистической войны относились с особым вниманием. В личных делах так же был отмечен и тот факт, что оба ветерана обладали Георгиевским крестом 4-й степени. Скорее всего, остальные кавалеры Георгиевского креста, оставшиеся в Ставропольском уезде и не ушедшие в Белую гвардию, либо продали свои кресты в торгсинах, либо подверглись подобной участи, что еще раз показывает, что в новом мире нет места бывшим героям, которые готовы были отдать и отдавали свои жизни за свое Отечество.

Несмотря на ограниченность информации о уроженцах Ставропольского уезда, которые смогли отличиться во время Великой войны, даже приведенных выше примеров храбрости, героизма, отваги и самоотверженности хватит чтобы сказать, что облик русского солдата как человека, готового приложить нечеловеческие усилия и поднять в бой не только самого себя, но и находящихся рядом товарищей ради защиты своей Родины, не менялся со временем. Будем ли мы говорить о Отечественной войне 1812 г. или о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., русский солдат всегда будет прямым проявлением чести и доблести, которая всегда будет поражать не только своих потомков, но и своих врагов.

Заключение

Георгиевские награды были необходимы для русской императорской армии. Введение при Екатерине II первой из этих наград – ордена Святого Георгия – было событием торжественным и решающим. Можно разделить историю русских наград на периоды «до введения Георгиевских орденов и медалей» и «после», поскольку с этого момента в армии переменилось многое. Кавалеры нового ордена были одними из самых уважаемых людей в обществе.

Переломным моментом для нижних армейских чинов стал 1807 год – год введения Знака отличия Военного ордена Святого Георгия, который на 110 лет стал главной наградой для всех солдат и унтер-офицеров. Знак отличия, который позднее был переименован в Георгиевский крест, давал простым людям особые права и привилегии, возвышал их над соседями и товарищами, выводил их на новый общественный уровень.

В течении пяти крупных военных конфликтов XIX-XX вв. (Отечественной войны, Крымской, Русско-Турецкой, Русско-Японской и Первой мировой) Георгиевские кресты и медали служили прямым отражением доблести простых солдат и унтер-офицеров, подвиги этих героев, которые стали известны лишь в последние десятилетия, ничем не уступают по своему героизму и храбрости подвигам времен Великой Отечественной войны. Итогом стало то, что Георгиевский крест за чуть более ста лет своей истории множество раз изменялся и прошел путь от самой желанной и важной награды до клейма, от которого пытались избавиться при любом удобном случае.

Пусть Ставропольский уезд Самарской губернии и находился в глубоком тылу, город не был разрушен, леса не выгорели из-за постоянных артиллерийских обстрелов, а поля не были изрыты километрами окопов и траншей, но ставропольчане ощутили на себе все тяготы войны, многие мужчины были призваны в армию, некоторые из них так и не вернулись. Но уезд стал прибежищем для многих беженцев, дома и селения которых были разрушены той страшной войной. Вся губерния продолжала снабжать фронт

всем, что только мог дать, а труженики в тылу трудились по 14-15 часов для того, чтобы сделать необходимую продукцию.

Ставропольчане ничем не уступали иным героям былых войн или уроженцев других уездов и губерний, которые удостоивались столь значимой для простых людей награды как Георгиевский крест, каждый из 190 кавалеров-ставропольчан по заслугам получил своих «Егориев», и пусть некоторые из них получили их лишь в самом конце Первой мировой войны, пусть многие не дослужились даже до офицерских погон, но они продолжают быть героями нашей страны, области и города, их подвиги не должны быть забыты. В связи с этим сейчас очень важно развивать данное направление исследований, поскольку Первая мировая война не напрасно получила прозвище «забытой войны», ведь в памяти народа она не значит практически ничего, из-за чего большинству и кажется, что Россия в той войне постоянно проигрывала, а русские солдаты были неспособны на великие поступки и не желали сражаться за свою Родину. Хотя в действительности на счету русской императорской армии было множество побед, которые множество раз спасали западных союзников, а героизм простых солдат ничем не уступал подобному во время Великой Отечественной войны и на примерах, которые были приведены в работе, это можно было очень отчетливо увидеть.

В заключении хотелось бы сказать, что мы, как потомки всех героев нашего отечества, коих за более чем тысячелетнюю историю нашего государства набралось очень много, никогда не должны забывать о доблести своих предков и искать в их подвигах стимул для собственного героизма и самоотверженности ради того, чтобы наша поистине великая Родина продолжала свою историю, никогда не склонила головы и не ушла в забвение оставшись лишь в архивных документах и учебниках.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Байов А. К. Первая Мировая война 1914-1918 гг. / А.К. Байов. - М.: РИСИ, 2015. - 408 с.
2. Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. М., 1956. 464 с
3. Болтин Е. А. Очерки мировой войны 1914-1918 гг. М., 1940. 148 с.
4. Борисов Д. В. Ставрополь-Самарский и Ставропольский уезд в Первую мировую войну (1914-1918 гг.). Сборник документов и материалов/Сост. Борисов Д. В.; ред. Янчарук Д. В. - Тольятти, 2019. - 560 с.
5. Бочаров К. И. Краткий обзор хода боевых действий в империалистическую войну 1914-1918 гг. Л., 1932. 42 с.
6. Брусилов А. А. Мои воспоминания. М. ; Л., 1929. 250 с.
7. Булгаковский Д. Г. Великая война в 1914, 1915, 1916 годах : Выдающиеся события на пути защиты России в ее целостности, чести и достоинстве. Пг., 1916. 58 с.
8. Васильев М. П. Георгиевские кавалеры Лейб-гвардии Преображенского полка за период Великой войны 1914 - 1918 гг. (Нижние чины). Автор-составитель М. П. Васильев. - М.: Патриот, 1999. - 245 с.
9. Великая война. Верховные главнокомандующие. - М.: Содружество "Посев", 2015. - 690 с.
10. Виноградов В. И. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978. 450 с.
11. Воейков В. В. От Дуная и до Царьграда : записки участника В. В. Воейкова : 1877-1878. - М. : Унив. тип., 1900. -, 175 с.
12. Волжское слово. 1914. 8 августа. № 178 (2048).
13. Волжское слово. 1915. 22 января. №17 (2174).
14. Восточная (Крымская) война 1853–1856 годов: Новые материалы и новое осмысление. Материалы международной научной конференции. (Севастополь, 16–19 октября 2003 г.). В 2 т. – Симферополь, 2005.
15. Ганалаян О. Т. Армения в творчестве русских поэтов / Ованес

Ганалаян. - Ереван : Советакан грех, 1988. - 178 с.

16. Дуров В. А. Георгиевский крест в годы Первой мировой войны / В.А. Дуров// Военная быль. – М.: 1993. - №4 – С. 2-6.

17. Дуров В. А. Русские награды XVIII-начала XX века / В.А. Дуров. – М.: Просвещение, 1997. – 208 с.

18. Жемчужников Л. М. Мои воспоминания из прошлого. – Л., 1927.

19. Жилин П.А. Отечественная война 1812 года. - М.: Наука,1988. – 359 с.

20. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления / худ. К. В. Орлов. М.: АПН, 1971. — 703 с.

21. Зайончковский А. М. Мировая война. Маневренный период 1914-1915 годов на русском (европейском) театре. М. ; Л., 1929. 415 с

22. Зайончковский А.Н. Мировая война 1914-1918 гг. / А. Зайончковский. Т. 2: Кампания 1916-1918 гг. – М. Воениздат, 1938. - 288 с.

23. Захаров С.Е. Русско-японская война / С.Е. Захаров, М.Н. Захаров, В.Н. Багров, М.П. Котухов // Тихоокеанский флот. - М., 1996.- гл.3. - С. 30-64.

24. Знак отличия Военного ордена Св. Георгия. Списки пожалованным за Русско-японскую войну 1904-1905 гг. / Сост. Игорь Вячеславович Маркин, Дмитрий Николаевич Бутрым. М., 2006.

25. Киняпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX века. М., 1997. 342 с.

26. Кочуков С. А. «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877-1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов., 2012. 524 с.

27. Кузнецов А. А. Наградная медаль. В 2-х томах. Том 1 (1701-1917). - М.: Патриот, 1992. - 181 с.

28. Лазарев С. А. Герои Великой Войны, известные и неизвестные. - СПб.: Атлант, 2007. - 384 с.

29. Малиновский Р. Я. Солдаты России. - Москва : Воениздат, 1988. - 453 с.

30. Нарочницкий А. Л. История народов Северного Кавказа, Конец XVIII века-1917 год, Том 2. - М.: Наука, 1988. - 529 с.
31. Об Ордене святого великомученика и победоносца Георгия : Дан в С.-Петербурге... 1833 г., декабря в шестой день... - [Санкт-Петербург, [1833]]. -49, с. : ил. ; 32.
32. Очерки Истории Ставропольского края / Под ред. П.А. Шацкий, В.П. Невская, Ставрополь 1986.Т-1. С. 349.
33. Патрикеев С. Б. Сводные списки кавалеров Георгиевского креста за 1914-1922 годы/ С.Б. Патрикеев. – М.: 2015.
34. Первая Мировая Война. Современная историография. - М.: ИНИОН РАН, 2014. - 232 с.
35. Первая мировая война. Список погибших, раненых, пропавших без вести, призванных из Ставрополя и Ставропольского уезда Самарской губернии в 1914-1916 г.
36. Петерс Д.И. Знак отличия Военного ордена с вензелем императора Александра I для ветеранов прусской армии: история учреждения, списки награжденных. - М.: Collector's Books, 2005. - 234 с.
37. Подковыров Н. Г. Список населенных мест Самарской губернии – Самара: 1910. – С. X. – 425 с.
38. Полный послужной список подпоручика по Адмиралтейству Бергмана. Составлен 15 Июня 1915 г. РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 10. Д. Б-49.
39. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 77.
40. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф. 16196. Оп. 1 Д. 1
41. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф. 16196. Оп. 1 Д. 227.
42. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф. 16196. Оп. 1 Д. 359
43. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.

16196. Оп. 1 Д. 359

44. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.

16196. Оп. 1 Д. 51

45. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.

16196. Оп. 1 Д. 532

46. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.

2378. Оп. 2 Д. 2.

47. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.

970. Оп. 3. Д. 1910.

48. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.

970. Оп. 3. Д. 1911.

49. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.

970. Оп. 3. Д. 1918.

50. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.

970. Оп. 3. Д. 1921

51. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.

970. Оп. 3. Д. 1931

52. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.

970. Оп. 3. Д. 1932

53. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.

970. Оп. 3. Д. 1938

54. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.

970. Оп. 3. Д. 2110

55. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.

Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Я.

2910-Р

56. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.

Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Я.

4484-Ш

57. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.

Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Я. 4681-Я

58. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Я. 4861-Ф.

59. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Я. 4878-А.

60. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (пленные) Ш. Без номера Я. 998-А

61. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (пленные). Я. 5405-Х

62. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (пленные). Я. 6318-К

63. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (пленные). Я. 7305-С

64. Ростунов И. И. Русский фронт Первой Мировой Войны / И.И. Ростунов. - М.: Наука, 2010. - 388 с.

65. Сборник сведений о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий кавказских войск : сост. по архив. документам А. Л. Гизетти / под ред. ген.-м. Потто изд. Военно-ист. отд. при штабе Кавк. воен. округа. - Тифлис : Воен.-ист. отд-ние при Штабе Кавк. воен. окр., 1901. - 463 с.

66. Свод законов Российской империи. Том I. – СПб., 1832. – С. 575-686.

67. Сельский Вестник №235 от 28 октября 1908 года. СПб., 1869-1917. - Ежедн.

68. Сикорский И. А. Современная всесветная война 1914 года : Причины войны и устранение их. Киев, 1914. 28 с.

69. Статут Императорского Военного ордена Святого

Великомученика и Победоносца Георгия 1913 года

70. Статут Императорского Военного ордена святого великомученика и победоносца Георгия, принадлежащего к сему ордену Георгиевского Креста и причисляемых к тому же ордену Георгиевского оружия и Георгиевской медали. - Издание 4-е, дополн. по 15 июля 1915 г. - Петроград : В. Березовский, 1915. – 110 с.

71. Статутъ Военнаго Ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, учрежденнаго Императрицею Екатериною II 26 Ноября 1769 года.

72. Стратегический очерк войны 1914-1918. Ч. 3: Период с 12 (25) ноября 1914 г. по 15 (28) марта 1915 г. М., 1922. IV, 88 с.

73. Стратегический очерк войны 1914-1918. Ч. 4. М., 1922. 133 с., 10 л.

74. Суржикова Н. В. Военный плен в российской провинции (1914-1922 гг.) / Н.В. Суржикова. - М.: Российская политическая энциклопедия, 2014. - 440 с.

75. Тарле Е. В. Крымская война. В 2 т. 2-е изд., испр. и доп. – Е; Л., 1950.

76. Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию 1812 год. - М.: Москва, 2009. – 383с.

77. Тольяттинский Государственный Архив. Ф. Р-19. Оп. 2-р. Д. 5

78. Тольяттинский Государственный Архив. Ф. Р-19. Оп. 2-р. Д. 958

79. Туфанов Е.В., Канц Н.А. Ставрополь в период первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г // Социально-гуманитарные знания. 2012. №9.

80. Уткин А. И. Первая Мировая война – М.: Алгоритм, 2001. – 592 с.

81. Центральный Государственный Архив Самарской области. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1433.

82. Центральный Государственный Архив Самарской области. Ф. 175. Оп. 1. Д. 1369.

83. Центральный Государственный Архив Самарской области. Ф.

175. Оп. 1. Д. 1381.

84. Центральный Государственный Архив Самарской области. Ф. 3.

Оп. 131. Д. 43.

85. Центральный Государственный Архив Самарской области. Ф. 4.

Оп. 1. Д. 1469.

86. Циркуляр Главного Морского Штаба за №346 от 20 Ноября 1906

г.

87. Циркуляр Главного Морского Штаба за №96 от 21 Марта 1908 г.

Приложение А

Список используемых источников

Законодательные

1. ГБУСО «Центральный Государственный Архив Самарской области» (ЦГАСО). Ф. 3. Оп. 131. Д. 43. «Сведения о числе беженцев в Самарской губ.».
2. ГБУСО «Центральный Государственный Архив Самарской области» (ЦГАСО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1469.
3. ГБУСО «Центральный Государственный Архив Самарской области» (ЦГАСО). Ф. 153. Оп. 36. Д. 1433.
4. ГБУСО «Центральный Государственный Архив Самарской области» (ЦГАСО). Ф. 175. Оп. 1. Д. 1369.
5. ГБУСО «Центральный Государственный Архив Самарской области» (ЦГАСО). Ф. 175. Оп. 1. Д. 1381.
6. МКУ «Тольяттинский Государственный Архив». Ф. Р-19. Оп. 2-р. Д. 5
7. МКУ «Тольяттинский Государственный Архив». Ф. Р-19. Оп. 2-р. Д. 958
8. Об Ордене святого великомученика и победоносца Георгия : Дан в С.-Петербурге... 1833 г., декабря в шестой день... - [Санкт-Петербург, [1833]. - 49, с. : ил. ; 32.
9. Полный послужной список подпоручика по Адмиралтейству Бергмана. Составлен 15 Июня 1915 г. РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 10. Д. Б-49.
10. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 77.
11. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф. 16196. Оп. 1 Д. 1. «Сведения о размере сумм, выданных семействам призванных на военную службу по Самарской губернии»

12. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.
16196. Оп. 1 Д. 227.
13. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.
16196. Оп. 1 Д. 359
14. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.
16196. Оп. 1 Д. 359
15. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.
16196. Оп. 1 Д. 51
16. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.
16196. Оп. 1 Д. 532
17. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.
2378. Оп. 2 Д. 2.
18. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.
970. Оп. 3. Д. 1910.
19. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.
970. Оп. 3. Д. 1911.
20. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.
970. Оп. 3. Д. 1918.
21. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.
970. Оп. 3. Д. 1921
22. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.
970. Оп. 3. Д. 1931
23. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.
970. Оп. 3. Д. 1932
24. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.
970. Оп. 3. Д. 1938
25. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.
970. Оп. 3. Д. 2110
26. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф.
Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (пленные) Ш. Без

номера Я. 998-А

27. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Я. 2910-Р

28. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Я. 4484-Ш

29. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Я. 4681-Я

30. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Я. 4861-Ф.

31. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Я. 4878-А.

32. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (пленные). Я. 5405-Х

33. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (пленные). Я. 6318-К

34. Российский Государственный Военно-исторический архив. Ф. Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (пленные). Я. 7305-С

35. Сборник сведений о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий кавказских войск : сост. по архив. документам А. Л. Гизетти / под ред. ген.-м. Потто изд. Военно-ист. отд. при штабе Кавк. воен. округа. - Тифлис : Воен.-ист. отд-ние при Штабе Кавк. воен. окр., 1901. - 463 с.

36. Свод законов Российской империи. Том I. – СПб., 1832. – С. 575-686.

37. Статут Императорского Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 1913 года

38. Статут Императорского Военного ордена святого великомученика и победоносца Георгия, принадлежащего к сему ордену Георгиевского Креста и причисляемых к тому же ордену Георгиевского оружия и Георгиевской медали. - Издание 4-е, дополн. по 15 июля 1915 г. - Петроград : В. Березовский, 1915. – 110 с.

39. Статут Военного Ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, учрежденнаго Императрицею Екатериною II 26 Ноября 1769 года.

40. Циркуляр Главного Морского Штаба за №346 от 20 Ноября 1906 г.

41. Циркуляр Главного Морского Штаба за №96 от 21 Марта 1908 г.

Источники личного происхождения

42. Брусилов А. А. Мои воспоминания. М. ; Л., 1929. 250 с.

43. Воейков В. В. От Дуная и до Царьграда : записки участника В. В. Воейкова : 1877-1878. - М. : Унив. тип., 1900. -, 175 с.

Периодическая печать

44. Волжское слово. 1914. 8 августа. № 178 (2048).

45. Волжское слово. 1915. 22 января. №17 (2174).

46. Сельский Вестник №235 от 28 октября 1908 года. СПб., 1869-1917. - Ежедн.